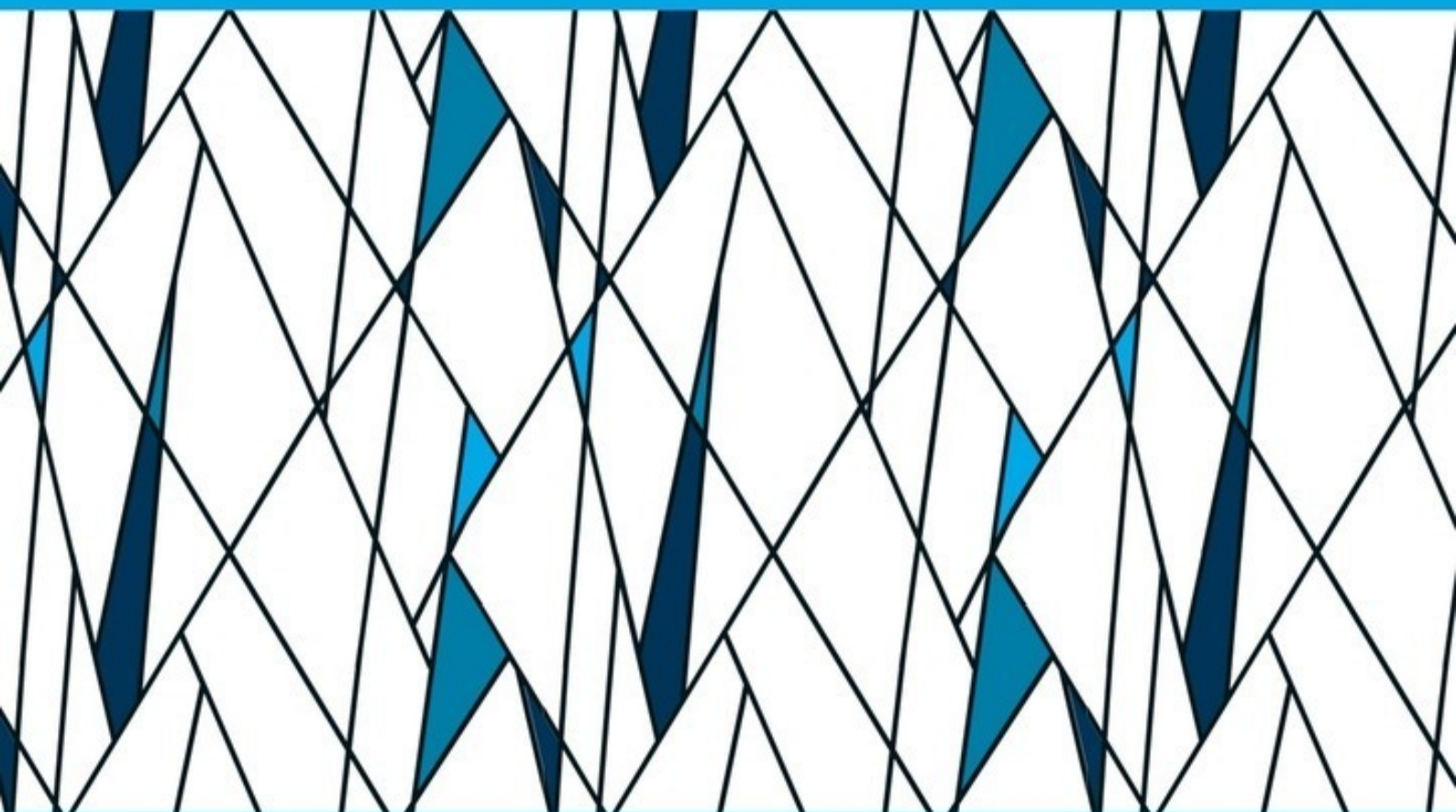

Сергей Коломиец

**ДОРОГИЕ МОИ
ЗЕМЛЯКИ**

Сергей Коломиец

Дорогие мои земляки

«Издательские решения»

Коломиец С. В.

Дорогие мои земляки / С. В. Коломиец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851042-7

В данном издании автор повествует о судьбах самых различных людей, их проблемах и чаяниях, моральном поиске и значении веры в жизни общества.

ISBN 978-5-44-851042-7

© Коломиец С. В.
© Издательские решения

Содержание

Дорога к храму	6
Дети разных народов	10
Рассказ бабушки Елены о той войне	14
Поездка в город	21
Свет в окне	24
Политики	30
Митя	33
Село Ивановка и его шутники	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дорогие мои земляки

Сергей Васильевич Коломиец

© Сергей Васильевич Коломиец, 2017

ISBN 978-5-4485-1042-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорога к храму

Погода начала портиться уже часов в двенадцать, но никто из друзей не обратил на это внимание, рыбалка была в разгаре, рыба как говорят шла дуром. Озеро располагалось далеко в степи, километрах в двадцати от асфальта. Хорошее озеро, богатое рыбой, одно плохо, от трассы не было до него дороги. Рыбаки, съехав с асфальта, только поим известным ориентирам двигались в сторону озера. Путь пролегал по небольшим однообразным холмам и впадинам, до того одинаковым, что некоторые даже терялись, особенно новички, и кто редко ездил к этому озеру. Бывало по пол-дня искали озеро, кружили по степи, жгли бесполезно бензин. Некоторые плюнув возвращались домой, ругая себя за потерянное напрасно время.

Зимой к озеру проезжали джипы, УАЗики и прочая сильная внедорожная техника. Без улова редко кто возвращался, только ленивые и распоследние неумехи. Само озеро находилось в небольшой впадине, окруженной небольшими возвышенностями, издалека оно было невидимо. Для новичков оно неожиданно появлялось из-за крайней к берегу сопки, поражало своими размерами и красотой.

Первым забеспокоился Санька, мужики, гляньте как погода меняется, давайте сматываться. Друзья Юрка и Колька отмахнулись, сиди не дёргайся, солнце светит, время обеденное, если что до асфальта быстро долетим. Через пол-часа задул ветер с севера, солнышко спряталось за тяжелые тучи. Все соседи рыбаки не без сожаления садились в машины и уезжали. Друзья нехотя смотали удочки, собрали улов и рыбацкий скарб, направились к стоящему на берегу УАЗику. Не повезло, ворчал Юрка, самая рыбалка пошла, могли бы по мешку наловить.

Пока грелась машина повалил снег, ветер гнал его вздымая крутящиеся белые водовороты. Ну полетели, сказал Колька, включая скорость. Западная сторона неба была светлее, туда садилось заходящее солнце, в той стороне проходила трасса, все рыбаки так поступали в случае непогоды. В каком-то месте всё равно упрёшься в асфальт, ну а на нём только топи в сторону дома.

Ехать старались по буграм, на них снег не держался, его сносило ветром в низины. Через некоторое время скорость пришлось сбросить, белая пелена закрывала обзор. Вот это буран, бурчал Санька, доставая компас, он всегда брал его с собой. Не скоро доберёмся до дороги, давно такой погоды не было. Стрелка строго показывала север, ехали в правильном направлении. Ветер выл раскачивая машину, дворники еле успевали убирать налипающий на стекло снег. Скорость пришлось сбросить до минимальной чтобы не налететь на какое-либо препятствие, в виде больших валунов или рытвин. Несколько раз всё-таки упирались бампером в большие камни, сдавали назад, объезжали препятствие, тихонько двигались дальше.

Как быстро буран начался, сказал Юрка, а я вам говорил давайте сматываться, а вы всё тянули, ответил Санька, уже бы к асфальту подъезжали, а теперь ещё сколько ползти. Да ладно вам мужики сказал Колька, первый раз что-ли, потихоньку доберёмся. Мне дед рассказывал, как он поступал, если его буран застигал в степи и ночь наступала. Он останавливался, распрягал лошадь, привязывал её к саням, брал одну оглоблю и как только чувствовал, что засыпает начинал бить ею снег. Разогреется, садится в сани и так до самого утра, а как рассветёт, запрягает лошадь и двигается дальше. Только боже упаси, говорил лошадь дёргать, она сама придёт к ближайшему жилью, чутьё у неё безошибочное. А мы чего будем делать, если заглохнем, машину что-ли станем толкать, ворчал Санька.

Машина упёрлась в какое-то препятствие и заглохла, Колька завёл мотор, включил заднюю скорость и прикинув лицом к лобовому стеклу, неуверенно сказал, вроде машина мужики, Нива кажется.

Это действительно была старенькая Нива красного цвета. Вокруг неё уже надуло сугроб, с трудом добрались до водительской двери, стали стучать. Может уже неживые, бормотал

Юрка, закрывая лицо от бьющего снега. Изнутри доносились какие-то звуки. Открыв дверь, увидели водителя лежащего лицом на руле. На заднем сиденье сидела женщина с ребёнком на руках, она не плакала, а стонала или причитала, не разберёшь. Водителя усадили на заднее сиденье УАЗика. Женщина плакала и показывала в сторону водителя, это муж мой, Алихан, с сердцем у него плохо стало, ничего не могу сделать, может уже не живой. Николай и Санька вернулись в Ниву, стали щупать пульс у водителя. Пульс слабо прощупывался, лицо было бледным, почти безжизненным. Давай тащить к нам, здесь его нельзя оставлять сказал Колька, замёрзнет. Вдвоём кое-как перетащили водителя к себе, изнутри помогал Юрка.

Женщина стала пытаться привести в чувство мужа, достали аптечку, но в ней ничего подходящего не оказалось. Давайте поедем, сказал Николай, включая фары, стемнело уже. Но от фар толку не было, стена летящего снега рассеивала свет, белый водоворот поглощал свет, не пускал его дальше бампера.

Минут через сорок бесполезной езды остановились, Санька трёс свой компас, ничего не могу понять, всегда правильно показывал, может поломался. Юрка поглядел на часы, мы уже давно должны на трассу выехать, не в ту сторону видимо едем. Санька глянул на датчик топлива, заглушил мотор, будем стоять сказал, повернувшись к женщине и её мужу, как он? Не знаю ответила женщина, в себя не приходит. Ребёнок, мальчик лет примерно двух спал на руках матери. Что будем делать, обратился Санька к друзьям, сами видите, ехать невозможно. Придётся до утра сидеть ответил Юрка, другого выхода нет, к утру буран должен притихнуть, потихоньку доберёмся до трассы.

Больной всю ночь не приходил в себя, иногда только тихо стонал, заставляя жену вздрагивать. Машина быстро остывала на ледяном ветру, Николай заводил мотор хмуро поглядывая на стрелку датчика топлива. Говорить почти не говорили, каждый думал о своём.

Рассвет мучительно медленно проникал сквозь покрытые слоем снега окна. Часам к девяти рассвело, стали видны неясные контуры ближнего бугра, по которому катились волны снега. Юрка посмотрел на стрелку компаса, если не врёт вон в ту сторону надо двигаться. Мотор натружено стронул машину с места, встречный ветер поднимал стену белой пелены.

Ехали примерно часа-три, но на трассу выехать не получалось. Стой мужики, сказал Николай, бензина мало осталось, солнце должно к западу клониться, смотрите какая часть неба светлее, сами знаете, что в той стороне трасса. Выбрались из машины, стали напряженно вглядываться в небо. Тёмные тучи выбрасывали снег, который раскручивался ледяным ветром, создавая однообразную непроглядную картину. Закрывая лица и глаза от бьющего снега, пытались рассмотреть светлую часть неба. Залезли снова в машину, Юрка опять тряс компас. Да выбрось ты его, три часа по нему ехали, не работает он.

Снова тронулись, как казалось в сторону светлой части небосклона, но минут через двадцать машина дёрнувшись остановилась. Всё приехали, сказал Николай выключая зажигание, бензин кончился, думайте что дальше делать.

Молчали минуты три, потом Санька сказал, чего думать, двигаться надо пока светло. Остаться в машине всё равно нельзя, замёрзнем и как бы успокаивая всех сказал, может мы уже возле трассы стоим или возле какого-нибудь посёлка. А с ним как, кивнул Юрка в сторону больного? Женщина тревожно смотрела на друзей, укачивая задремавшего ребёнка. Сделаем так, предложил Николай, в багажнике у нас хороший полог брезентовый, на него положим болящего, по снегу он легко пойдёт. За углы двое возьмём и потихоньку вперёд. А вы, обратился к женщине, хорошо укутайте ребёнка, да и сами получше замотайтесь. Мужчину вытащили из машины, положили на брезент, Санька с Юркой взялись за углы, Николай забрал у пытавшейся возражать женщины ребёнка, захлопнул двери в машине, махнул рукой в сторону движения.

Ветер не давал двигаться, бросал на идущих волны колючего снега, заставлял нагибаться. Ребёнка несли по очереди, несколько раз останавливались, шупали пульс у лежащего на пологе, женщина что-то пыталась с ним делать, но её заставляли идти дальше.

Часа через три стала давить усталость, всё чаще стали останавливаться, чтобы перевести дух. Рухнув на сугроб Юрка тёр варежкой залепленное снегом лицо, всё ребята, нет сил, не могу больше тащить, надо что-то делать, с таким грузом далеко не уйдём. Ты чего, толкнул в плечо Николай, давай тащи, скоро стемнеет. Куда тащи, заорал Юрка захлёбываясь порывом ветра, молоко кругом, идём сами не знаем куда. С таким грузом сдохнем все, бросать надо его, иначе всем хана придёт. Ты чего придурок, зарычал на него Санька, крыша поехала что-ли. Да вы подумайте, дураки, на своих ногах мы ещё выберемся, а с ним, он показал на лежащего нет никаких шансов.

Женщина плача схватилась за полог, попыталась тащить, но бессильно села на снег. Санька схватил Юрку за воротник, вставай падла, совсем охренел что-ли, ребёнок с нами, замёрзнуть может. Он стал пинать его валенком в бок, ты же в церковь падла ходишь, в бога веришь, а такое здесь говоришь. Юрка зарывав вскочил, набросился на Саньку, стараясь врезать тому в лицо. Сцепившись упали на снег, но сил для драки не было, по настоящему ударить не получалось. Николай с трудом их растащил, стуча кулаком по головам. Снова взял ребёнка на руки, всё мужики, отдохнули, размялись, двигаемся дальше, дома будете драться.

Стемнело быстро, ветер не ослабевал, а мороз на-оборот усиливался. Женщина всё чаще останавливалась, усталость давила и её. Через пол-часа она обессиленно села возле мужа, легла головой на его грудь. Сказала парням, идите без нас, ребёнка спасите, мы здесь остаёмся, видно так всевышнему угодно, Юра прав, всем не спастись. Николай взял её за плечи, ты чего Жамал, нельзя так, мы не бросим вас, отдохни немного и дальше пойдём. Все обессилено сели на снег, но Юрка вдруг встал, стал вертеть головой, схватил Николая за плечо, ты слышишь? Ты чего, мерещится тебе, ветер это воет. Да нет, звук как будто по железу бьют, и дымом вроде пахнет.

Парни встали, стали напряженно вслушиваться в воющую темноту ночи. Санька неуверенно показал рукой, в той стороне гремит, точно там. Давай быстрее пока не перестало греметь двигаемся в ту сторону. Звук приближался и усиливался, пахнуло дымом. Минут через пять стало явно слышно удары железа по железу, ветер уносил звук в степь, а буран быстро гасил его. Показался неясный контур дома, отчётливо запахло жильём. А я знаю кто здесь живёт сказал Юрка, схватившись за забор, старый Даулет здесь живёт, которого из аула выгнали, когда совхозное добро и землю делили. Директор ихний всё себе хотел захватить, он ему прилюдно в морду дал. Вроде условно дали ему, а может и нет, точно не знаю, жена умерла у него, а он ушел жить в старую заброшенную бригаду. Дом сохранился, не разломали его, далеко в степи, он подправил его и живёт один, вот он перед нами. Говорят что он умом немного тронулся, как только буран начинается, он начинает в рельс колотить, он с той стороны дома висит, когда пожар или на обед звали стучали по нему. Люди его спрашивали зачем он это делает, а он талдычит, что людей спасает, не даёт им погибнуть в степи. Вот его и признали немного тронутым. Побольше бы таких тронутых, если-бы не он сколько бы мы ещё бродили, давайте затас-кивайте больного во двор, поаккуратней только.

Хозяин, не смотря на возраст, делал всё быстро, помог раздеть и уложить больного, спящего ребёнка уложил поближе к печке. Ужинать никто не стал, не было сил, парни упали на приготовленную хозяином на полу постель, мгновенно провалились в сон. Жамал прилегла рядом с мужем, чутко прислушиваясь к его дыханию. Ветер выл с неистовой силой бросая на окна снег.

Николай проснулся от прикосновения детской ладони, мальчик сидя на корточках, чего-то говорил и улыбался. Комната была ярко освещена бьющим через окно солнцем. Вошла Жамал, взяла ребёнка на руки, разбудил он вас, спите ещё. Нет, вставать пора, буран вроде бы кончился. Рядом кряхтел поворачиваясь Юрка, давайте тогда чай пить сказала Жамал унося

ребёнка, я всё приготовила. Проснувшийся Санька долго смотрел на ярко освещённые окна, потом толкнул локтем сидящего рядом Юрку. Ты это самое, когда в церковь пойдёшь, возьми меня с собой, я не знаю чего там и как делать, покажешь одним словом. Юрка не поднимая глаз пробормотал, само собой пойдём конечно, ты только не передумай. Не передумаю, ты на меня за вчерашнее не обижайся, ситуация сам знаешь какая была. Щеки Юрки вспыхнули, это моя проблема, ты здесь ни причём.

На кухне разговаривали двое мужчин, Николай улыбнулся, парни, а больной кажется оклемался, это хорошо.

Дети разных народов

По ночам она часто вставала, ходила по комнатам, поправляла подушки и одеяла, укрывала раскрывшихся. Всматриваясь в спящие лица, думала, старшему уже шестнадцать, младшему правда всего три, несмышлениш еще. И все парни, так господь дал, хотелось иметь хоть одну девочку, но не вышло. Может так оно и лучше, семь снох сразу, как вот уживусь с ними, это вопрос. К сердцу подкатывала волна страха, вытяну-ли, прокормлю, не дай бог свалиться, кому они нужны, в детдом только.

Присела на край кровати, подняла с пола носок, заметила дыру. Достала иголку, нитки, принялась штопать, к сердцу вновь подкатила волна тревоги. На Кавказе вон что творится, конца края не видать, а старшему через два года в армию, ох и думать об этом страшно. Вспомнила недавний рассказ соседки бабки Алены.

До войны в их селе не было полной школы, только начальная, а в соседнем колхозе за тридцать километров уже открыли. Местные женщины из сил выбивались, а детей своих отправляли туда учиться. Жили на квартирах или где придется, голодали конечно. Матери, как только появлялась возможность, пекли хлеб, квасили молоко и на быках везли детям. Коня-то в колхозе не выпросишь, и не подходи. Часто ездить не давали, раз в месяц и то хорошо. Председатель орал, на горбу своем таскайте, работать в колхозе не хотят, учебу затеяли. Бывало и таскали, а что поделаешь.

Перед войной многие закончили школу, здоровые все, красивые, тут на тебе мобилизация. Всех побили, не один не вернулся, редкая мать белой не стала перечитывая похоронку.

Татьяна заштопала носок, проверила остальные, огнем горит одежда на парнях, как дальше одевать, прямо беда. Хорошо что недавно гуманитарку в школе дали, целый мешок одежды с немецкими непонятными наклейками. Поглядела и ахнула, все хорошее, крепкое, ношеное конечно, но постиранное. Гужется семья над мешком, обновки примеряет.

На шум забрела бабка Алена, присела на лавку. Обноски что-ли примеряете, брезгливо ткнула костылем в мешок. Какие обноски, хорошее все, почти новое. Да вижу какое оно, дух от него тяжелый идет, ненашенский. Дети шумели, бегали к зеркалу, смотрели себя в обновках. Не одобрил бы мой Иван эту одежду, сама знаешь, в ихней земле лежит. Немного посидев собралась уходить, ты вот что Татьяна, когда детей ко мне за чем-либо будешь посылать, одежду эту с них смай, в нашей пусть приходят. Иван со стенки глядит, грех мне будет. Поглядела на пустующий мешок, плюнула, перекрестилась и постукивая костылем вышла из дома.

Ох бабуля, вздохнула Татьяна, может ты и права, да некогда мне об унижениях думать, мне как-то выживать нужно, даже такой ценой. Дело было в том что детей своих родила она от разных отцов. Так получилось, что отцы их были не местные, все приезжие.

Старшего родила от дальнобойщика, здоровенного, красивого. Трасса мимо дома проходит, поломались они, подтащили машину к дому на ремонт, мама еще жива была. Несколько дней ремонтировались, парни веселые, ужинали всегда с водкой. Нет не принуждал он ее, не было этого, почему согласилась, сама до сих пор не понимает. Только родила, через полгода мама умерла, одна осталась в доме. Ребенок маленький, хозяйство во дворе, но ничего вытерпела, справилась. Слухи конечно разные по селу пошли, местные женатики пробовали подкатываться, но она их быстро отшила, одного даже помоями облила.

Второй родился от заезжего с юга торговца фруктами, в городе у него товар не пошел, ну он и заехал в их село. Цену сбросил, за неделю все продал, даже из соседних деревень покупатели приезжали. Какие-то острословы отправили его к ней ночевать. Вел себя вежливо, плохого слова не сказал, для дома кое-что купил, по хозяйству помог. Не врал, сказал что на юге семья большая, кормить-одевать надо.

Темная голова ребенка выглядывала из под одеяла, ишь сопит душман черноглазый. На улице его так душманом и зовут, но он совсем не обижается, всегда песни веселые поет. Соседки смеялись, ты Татьяна обрезание ему сделай, вырастет и спросит почему такое упущение. Идите вы отмахивалась, все они у меня крещенные, все православные, мама покойница строго об этом наказывала.

Кумовья правда редко заглядывали, да оно и понятно, заняты все. Зайдет бывает Николай, водителем работает, сразу с порога, сразу с порога-как тут мой лесной брат поживает? Да живет, что ему делается, учиться не шибко желает, ремень ему надо, а не твои подарки. Ну ты уж мать сразу ремень, главное растет парень, не болеет. Потом обращается к парню, ты вот что брат, уроки надо учить, без учебы нынче никуда, матери помогаешь? Здесь пожаловаться не могу, работает.

Татьяна погладила голову лесного брата, ну и что же что литовец, такой же как и все остальные. Отец его хороший, инженером работает. В их селе с бригадой какое-то оборудование монтировали, директор то оборудование в Литве закупил. Приехали четыре человека с инженером во главе, с местными почти не общались, меж собой все больше на своем языке разговаривали. Инженера Юозасом звали, однажды из магазина помог дотащить тяжелую сумку до дома. Посмотрел на забор, крышу, предложил отремонтировать. Они в выходные дни не работали и два дня занимались ремонтом у нее. Работали хорошо, неторопливо, она так и не поняла, заставлял он их помочь ей, или добровольно они работали, кто их разберет. Вечером рабочие уходили, а он стал оставаться, как выгонишь, такое хорошее дело сделал.

Вздохнула, погладила светлый затылок брата, братом на улице и кличут пацаны, ну и пусть будет брат, слово-то какое хорошее. Баню сегодня надо истопить, помыть всех надо. Старшие вот наотрез отказались с ней в бане мыться, краснеют, ничего не говорят, понятно и так, что взрослеют. Заметила, что не видят сыновья в ней женщину, в полном смысле этого слова, мать и все этим сказано. Им трудно представить ее в другой роли кроме матери в доме.

В селе к детям хорошо относились, уж так получилось не хулиганистые уродились, помогали всем кто просил, она и не останавливала, пусть работают, труд еще никого не испортил. Были и такие, что плохое про них говорили, ну да ладно бог им судья.

Боялась больше всего вопроса от детей, где их отец, у всех есть, а у них нет. Ждала этого с замиранием сердца, но никто не спрашивал, может старшие запрещали, кто их знает.

Случилось это не так давно, к вечеру пришли все домой, старшие сильно побитые, исцарапанные, одежка изорвана, младшим видно тоже досталось, носами шмыгают, умываются. Кинулась с расспросами, что да как? Какое там, молчат, пар изо рта не пускают, старшие исподтишка младшим кулак показывают. Побили кого? – молчат, вас кто-то бил? – тоже молчат. Когда мылись видела на телах огромные синяки и ссадины. Ночью, уже засыпать стала, чувствует, кто-то тербит ей руку, предпоследний Санька, шестилетний, тихонько шепчет ей. Мамка не ругайся на нас, не мы первые начали, мы не виноватые.

Кое-как поняла, что шли они кучкой домой со стороны пруда, в березовом колке неподалеку, сидели двое местных пьянчуг, обложившись бутылками. Они и зацепили братьев по ее адресу, уж какими словами называли ее, не стала спрашивать, не хотела чтобы еще раз ребенок испытал переживания. Старший наш вернулся и залепил пинком по роже одному, младшие на подмогу бросились. Дрались как в кино, по настоящему, шептал Санька, одному сопатку крепко разбили. Я одному палкой по башке врезал. Иди уже спать защитник ты мой, завтра я вам всем задам, все у меня получите. Санька топтался у кровати, не уходил, потом прислонился к ее уху и тихо спросил-мам, а у нас папка есть, где он?

Заколотилось сердце, кое-как смогла шепнуть, есть сынок, потом расскажу. Санька потоптался еще немного, вздохнул, и пошлепал босыми ногами к кровати, где сопел младший.

Встревоженная, почти не спала, часто вставала, смотрела на детей, сердцем чувствовала нехорошее. Утром прибежала одна жен тех двух, с которыми сцепились ее пацаны, в калитку

войти боялась, кричала через забор, что передавит всех выб..... за каждую каплю мужниной кровушки. Подъехал на узике участковый с двумя пострадавшими и женой второго, любуйтесь на них, завизжала приехавшая, на выводок волчий, они через три года половину села вырежут.

Тут что-то и случилось с ней, с Татьяной, такого никогда не было с ней, накипело или нервы сдали. Вытолкнула вперед троих старших, сорвала с них рубашки, синяки и ушибы стали за ночь еще страшней на детских телах. Кричала что-то про свою жизнь, про детей, еще что-то. Участковый, молодой парень, исподлобья поглядев на потерпевших, спросил-зачем драку затеяли пацаны, они ведь вас не трогали? Ответом было молчание. И тут Санька, держа за руку младшего выдал-они нас не трогали, они мамку нашу назвали нехорошими словами и здесь же выдал несколько изречений подвыпивших собутыльников. Старшие зашипели, толкая в спину брата, молчи, может обойдется. Но участковый все услышал и понял.

Он поднял с земли рубашки старших, покосился на кровоподтеки, одевайтесь. Сквозь зубы процедил, падлы, не был бы я при исполнении. Он шагнул к потерпевшим, те даже от него шарахнулись, достал из папки заявление, разорвал его и бросил на землю. Можете жаловаться в про-куратуру, куда угодно, с трудом перевел дыхание, можете так и сказать, что у гадов я заявлений не принимаю. Они же за свою мать дрались, а вы суки за что? Сел в машину и уехал. Пострадавшие, грозя дойти до президента двинулись в сторону магазина.

Молча вся семья вошла в дом, Татьяна тяжело присела на лавку, стала просить, чтобы никогда ни с кем не дрались, что бы о ней не говорили плохого. И тут Санька снова выдал-был бы у нас папка, он бы им так дал, кубарем со двора бы полетели. Тут и подкосило ее, сползла с лавки на колени, волчицей завывала, не зная что ответить детям. Перепуганный младший заревел в полный голос переходя на крик, к нему быстро присоединился Санька, средние отворачивались, стараясь не зареветь в полный голос. Всеобщий рев прекратила бабка Алена, зашедшая на шум в избу. Стука клюшкой села к столу, покричали и хватит. Приказала старшим, марш на улицу, в огороде не порядок, в бочке воды нет, куры голодные. Прихватив младших, все отправились на работу.

Ты Татьяна брось детей пужать, малые они, долго ли до беды. Все слава богу сыты, одеты, Я в войну с шестерыми осталась, голодуха была хоть в петлю лезь, а ведь терпела, слезам волю не давала. У меня бабушка другое. Знаю что другое, все равно слезам волю не давай, вырастут все поймут.

Татьяна поглядела на часы, положила нитки и иголку, взглянула в зеркало, старею что-ли, до сорока далеко. Мысли о замужестве не возникали, дети бы не приняли никого, да и кто пойдет на семерых? Взрослея дети становились не скрытными, как-то более молчаливыми. Старший в девять лет отобрал у ней половую тряпку, за скотиной и огородом тоже старшие ухаживают. Стирать конечно приходится ей, но таскать тяжелое не позволяют. Денег конечно лишних нет, но не это главное, вырастут заработают.

Стала правда замечать, что вторую неделю таскают куда-то еду, думала, что собачонку где-то со щенками прикармливают. Приведите ее домой сказала, прокормим как-нибудь, все помалкивают, никто ничего не говорит, ладно, завтра разберусь.

За завтраком спросила у Саньки, кого кормите? Если щенков много это ничего, люди разберут. Тот хотел что-то ответить, но получив под столом по ноге, стал говорить малопонятное.

Поев, все отправились по своим делам, она принялась убирать со стола. Работала вяло, слабость подкатывала, уронила чашку. Чего это со мной, вроде не болею, а сил сегодня нет. Посмотрела в окно и сердце заколотилось, у калитки стоял какой-то мужчина, окруженный ее детьми. Неужели один из отцов явился, этого она очень боялась. Всмотревшись поняла, что человек незнакомый, облегченно перевела дух, вышла на крыльцо. Поздоровалась, мужчина топтался у калитки, двое младших старательно подталкивали его к крыльцу. Мужчина как

мужчина, высокий, глаза ясные, одет по дорожному. Может чего надо человеку, да стесняется попросить. Санька видя, что мужчину к крыльцу не подтолкнуть, шепелявя и присвистывая стал объяснять. Мамка, мы к нам папку привели, потом еще добавил, да-да, он нашим папкой будет, он хороший, тебе понравится. Старшие, покраснев как мак отошли немного в сторону.

Татьяна немея ногами опустилась на крыльцо. Санька воспрянув духом добавил, ты не бойся, он не курит и водку не пьет. Мы его кормим, он на старом сеновале живет, холодно там. Подхватили средние, беда у него мама, он один остался, ему некуда пойти, он тебя не обидит, он помогать тебе будет, у него жизнь поломалась, он с нами будет жить, мы так реши-ли. Ты его пожалуйста не прогоняй.

Слова детей медленно дошли до сознания, она поглядела на мужчину, на детей. Ну если вы уже все решили, мне нечего сказать. Она встала со ступенек, ведите в дом вашего папку, будем знакомиться.

Рассказ бабушки Елены о той войне

Фашистов привезли, немцев, раздавался под окнами крик Клани-заполошной. Эхо разносилось по переулкам села, немцев привезли, гитлеров вторило эхо. Любопытные небольшими кучками подходили к правлению, взгляд сразу обращался в сторону коновязи, где стояло десятка полтора подвод. Мелькала синяя фуражка районного лейтенанта НКВД, что-то говорившего двум милиционерам с винтовками за плечами. Утренний туман опускался на толпу людей сгрудившихся у телег и молча смотревших на подходивших сельчан.

Ой бабоньки, сколь много их, и заморенные видно, глянь-ка на детей. Вон тот высокий беловолосый даже очень ничего, видный. Да тише ты дура, у тебя только одно на уме, совсем невтерпеж что-ли, немцы ведь они, враги. Сама дура, они что, не мужики, так же как и я грешная желают. Доболтаешься до греха. Поедешь обратно под охраной. И не охну, я с такими тремя красавцами хоть до самой Сибири.

По лицам и одежде приехавших было видно, что путь они проделали немалый и трудный. Исхудавшие детские лица, равнодушно смотрящие на сельчан. В руках людей были чемоданы, корзинки, узлы, у некоторых руки были свободны. Все молчали, не слышно было ни крика детей, ни вздохов, ни плача, все замерли в каком-то оцепенении.

Где они где? – в толпе сельчан послышался крик, возня и к приезжим кинулась молодая женщина в сбившемся платке. Убью, задушу! – душераздирающий крик кольнул приезжих. Вы его убили, вы изверги убийцы, женщина хваталась за одежду приезжих, била их в грудь, по лицам. Подбежали милиционеры, оттащили ее, пытались успокоить. Она билась о землю, кусая кулаки, с громким плачем к ней подбежали два мальчика и вцепившись в одежду ревели во весь голос. Из толпы вышел старик с клюшкой в руке, крикнул что-то по-казахски, а потом подойдя ближе, заговорил тише, успокаивающе. Оторвал детей от матери, подошедшие женщины подняли плачущую, тихонько повели к дому. Старик, проходя мимо конвоиров, глянув на приехавших проговорил, не тех привезли, я думал настоящих, мой Еркен с ними не воевал, а эти, он махнул рукой и подталкивая детей пошел вслед за молодой женщиной.

Подъехал на дрожках председатель, хмуро глянул на приезжих, подошел к лейтенанту. Кто это, откуда привезли? Немцы это, контрики, с Волги вроде и еще откуда-то, по указу, вот список, принимай. Зачем они мне, куда я их всех поселю, давай грузи их обратно. Ты давай не заводи разговоры ощерился лейтенант, приказ это понял? Райком все знает, принимай и не разговаривай, можешь не считать. Он сунул список председателю, все в наличии, у меня не сбежишь, сам знаешь. Садясь в тачанку смеялись над Кланей, пристававшей с расспросами, правда-ли, что все привезенные из Германии. Ворочая белыми глазами и дергая милиционеров за рукава, пыталась узнать хорошо-ли там жить? Мордатый охранник, разматывая вожжи, весело подсказывал ей, из под самого Берлина они, а некоторые из Парижа, а живут там чуть хуже чем в вашей деревне. Похлопал ее по заднице и хлестнул кнутом жеребца.

Председатель сунул список в карман, подошел к приехавшим, те еще теснее сгрудились. Пахать, сеять, за скотом ухаживать умеете? Люди молчали, потом один седой заговорил-из деревень мы, все можем. Вот что, сказал председатель, будем думать где вас селить, отдельных квартир не будет, вечером соберем правление, решим кто и где будет жить и работать, а сейчас ждите.

Правление собралось к вечеру, некоторые ворчали на председателя, но увидев привезенных, умолкали, другие даже не взглянув на них поднимались на крыльцо. Ну что товарищи, начал председатель, вопрос у нас один, где селить будем? Несколько пустых домов есть, но этого мало, сами видели сколько привезли. Чего везли-то, там бы и охраняли, проворчала доярка Анисья. В ферму их загнать и пусть ночуют в яслях, предложил завсклад Переверзев, товарищ Сталин наверное не зря отправил их сюда, видимо за дело. Ну уж ты загнул Андреич,

сказала Анисья, дети ведь у них. Сторожка моя пустует, предложил старый Каирбек, там тепло, одну семью можно поселить, а я в молоканке буду, там тоже печь стоит.

Хорошо, сказал председатель, четыре избы у нас есть, еще хатенка бабки свободна, барахлишко ее цело, пусть забирают, как знала горемыка вовремя преставилась. А куда остальных девать-думайте. Чего тут думать, сказала Анисья, какое-то колхозное помещение придется освободить. Вот твой склад например Андреич, хранится там у тебя совсем немного. Ну уж нет, подскочил завсклад, колхозное добро пусть пропадает, а они как бары жить будут, не согласен я. Ну как बारे они жить не будут, вставил председатель, если перегородки поставить по комнатушке на семью выйдет, да и тепла там особого нет, сами знаете, не помещение, а трухла одна. Значит решили, многодетных в избы, остальных в старый склад. Не согласен я не унимался завсклад, в райком буду жаловаться, не позволю добро гноить. Все, вопрос решен Андреич, угомонись, сам знаешь, нет больше места.

Как бы тебе последнее помещение не пришлось освобождать, неожиданно сказал Каирбек, заворачивая самокрутку. Ты то что старый понимаешь в этих делах, буркнул завсклад. Может и не понимаю, но раз детей и старух привезли, значит много еще врагов у товарища Сталина. Не у товарища Сталина, поправил завсклад, а у советской власти, война какая идет, сам видишь, предать могли.

Выходя, продолжали спорить, что-то много предателей, их всегда было раз-два и обчелся. Пойми старый, упреждает советская власть, наперед думает. На крыльце председатель обратился к приехавшим, сегодня ночевать будете в клубе, завтра начнем расселять, завклуб уже там, она все покажет.

Председатель и Каирбек жили рядом, домой шли вместе. Ты мне все-таки объясни Кузьмич, чего их привезли, это сноха моя по своей бабьей глупости приняла их за фашистов. Они же вроде нашенские, советские. Не знаю, пыхтел самокруткой председатель, понять не могу, но и органы не ошибаются. Может они на самом деле сдаваться надумали, ну да ладно дед, не будем ломать голову, нам работать надо, время покажет что да как.

Утро выдалось прохладным, над селом клубился туман, отчетливо слышались голоса людей, звон ведер, мычание скотины. От клуба в густом тумане медленно двигалась толпа приехавших. Белели невыспавшиеся лица детей, некоторые еще спали на руках матерей. Не было слышно ни голосов, ни детского плача. Мимо на телеге проехал завсклад, с грохотом отворил двери склада, стал швырять на телегу какие-то ящики, мешки, старую сбрую. Далеко разносились его злобные выкрики и матюки. Долго здесь не поживете, дальше поедете, в Караганду, в шахты, там прохладнее будет, или наоборот жарче.

Вышедший на крыльцо председатель, позвал приезжих. Значит так-Бергер, Кауц, Шульц, Вольф, Вибе, будете жить в избах, остальные в складе. Вот дед, он все покажет, поселяйтесь. Перегородки, нары, печь, плотники сегодня сделают, помогайте им, завтра на работу. Толпа двинулась в сторону склада. Оттуда доносились крики, куда прете, не видите не освободил еще. Завсклад с грохотом швырял какие-то железки, старую посуду, мешки. Через полчаса его телега гремела по улице, заглушая злобные выкрики.

Пришли плотники, осмотрели здание, присели покурить. Что мужики стоим, подходите закуривайте, позвал приезжих плотник Тимофей. Мужские руки жадно потянулись к самосаду. Что долго не курили? Один из приезжих, жадно глотая дым проговорил, вторая неделя пошла, тут же назвал себя-Генрих Ланге, учитель, вернее бывший учитель. Подошли остальные, раговорились. Вот что мужики, работы у нас много, к вечеру надо управиться, сейчас горбыль привезут, давайте начинать.

Склад быстро разметили на отдельные комнаты, общий коридор, умывальник, место для печей. Коммуной будете жить, как после гражданской, помнишь учитель? Да-да, закивал тот головой, если не поленились, сказал Тимофей, бревен заготовите, баню срубим.

Работа кипела, помогали и большие и малые, к обеду склад было не узнать. Оставалось сделать топчаны, да залатать кое-где дыры. Вернувшись после обеда, плотники заметили, что многие матери старательно укачивали плачущих детей, украдкой шлепали старших. Мужики, сказал Тимофей товарищам, смотрите, дети ведь голодные, к председателю надо идти. Увидев подошедшую, завхозшу попросил, иди к завскладу, начальство, наверное приказало их кормить. Да была я уже у него, утром ходила. Некогда говорит мне переезжаю, потерпят ваши гансы.

Ну гад, матюкнулся Тимофей, давай мужики по домам, несите кто что может, не людски это детей морить. Вернулись скоро, принесли хлеб, картошку, сало. Ешьте сказала завхозша, к ужину что-нибудь горячее придумаем. Плотники не выдерживая вида детских дрожжащих рук, жадно тянущихся к хлебу, отошли подальше, закурили, стараясь не глядеть друг на друга. Наголодались, сказал Тимофей, отдавая учителю Ланге мешочек с самосадам. Тот, благодаря, подтвердил, последние два дня можно сказать ничего не ели. Беспальный плотник сказал завхозше, ты иди ищи председателя, пусть этот куркуль завхоз, выдаст людям пропитание, заодно про печника узнаешь, когда он будет.

К вечеру топчаны были готовы, даже туалет успели сколотить из остатков горбыля. Плотники собрали инструменты, присели отдохнуть. Подъехал председатель, осмотрел сделанное. Кто у вас будет за старшего, идите на склад, получите муку, крупу и все остальное, список у завсклада есть. Печки поставим через два дня, печник у нас приболел. Плотникам приказал-завтра на ферму, ремонта там много. Председатель, попросил Тимофей, ты этому куркулю завскладу хвост прищепи, никого не признает гад. Тот садясь на дрожки посоветовал, ты с ним не особо связывайся, знаю какой он. Ты пять лет лес пилил за свой язык, а ума не набрался, можешь обратно туда угодить. Неужели не понял как там оказался.

О приезде переселенцев поговорили и перестали, не до того было. Горе все чаще катилось по избам, все чаще доносились на улицу русские и казахские, украинские и белорусские плачи и причитания. Кланы-заполошная, бегая за почтальоном, угрюмым солдатом на деревянном протезе, дико хохотала, и вы сейчас реветь будете и вы тоже. Люди говорили, господа, всегда хорошим считалось с убогим повстречаться, а сейчас хоть домой возвращайся, крестились женщины, шагая на ферму. Все меньше становилось в селе мужчин, отправив очередных, все мрачнее становился председатель. Из райкома приходили бумаги, одна грознее другой, все чаще на правлении возникали неразрешимые вопросы, где взять лишние руки, на чем возить корм?

Старый Каирбек, проводив на фронт старшего внука, совсем сгорбился, на заседаниях сидел нахохлившись, как старый воробей. Анисья как-то спросила у завсклада, ты Андреич грамотный, скоро ли немца погоним, когда начнем бить на его земле и малой кровью? Тот что-то пробурчал себе под нос, а потом всем ясно сказал, что фуража будет выдавать на треть меньше. Все обратили удивленные взоры на председателя. Не отрывая взгляда от стола, глухо ответил – на Украине враг, в Белоруссии, под Москвой, хлеба в стране не хватает. Все что осенью припрятали, придется отдать. Дак не украли же, для колхозного скота держим, не для себя. А молодняк, ахнула Анисья, а молоко откуда возьмется? Соломой будем кормить, рыкнул председатель, завтра все в степь, за соломой, осенью не подвезли к фермам, не заскирдовали, теперь с полей будем возить. Сколько сил хватало, столько и возили, людей мало, лошадей не хватает, выше себя не прыгнешь, гомонили правленцы, не прав ты Кузьмич. Как у нас с сеном, спросил у завсклада председатель, в степи много осталось? Смотри, головой за него отвечаешь. Ладно, буркнул завсклад, сам знаю.

Замерло село, оцепенело, работа поглощала свободное время, с фермы бежали к своим коровенкам, часто голодным детям. Бураны ударили, света белого не видать, в степь ехали по несколько саней, морозились, выли и плакали от боли. А утром снова шли на работу, снова возили корм, чистили навоз, поили скотину. Забегали в теплые молоканки, сторожки, отогре-

вались у печей и снова работали до красных огней в глазах. А дома ждали дети, фотография на стене, на которой пропавший кормилец смотрел на семью вечным неизменным взглядом.

Почти всех привезенных немцев поставили работать на фермах, лишь самых слабых оставили дома. Всем было тяжело, приехавшим так-же довелось свою долю, свою часть из общей чаши страданий испытать. Худо было с теплой одеждой, никто не знал куда везут, да и много-ли унесешь с собой, когда на руках дети. Еда известно какая, спасительница картошка, да немудреный приварок. Быстро стало пополняться сельское кладбище крестами с немецкими фамилиями. Какие мысли были в головах депортированных, нужно спросить у них самих. Не особенно любят они об этом говорить, носят в сердцах эти тяжкие воспоминания, везут в Германию, слабо надеясь, что их там внимательно выслушают.

В редкие минуты отдыха обсуждали вести с фронта, ругали непрекращающиеся метели. Чем страшна казахстанская метель, как это ни странно ветром. При не очень низкой температуре, в голой степи, плохо одетый человек быстро превращался в громыхающую ледышку, одежда намокала, превращаясь в ледяной панцырь. Горе тому, кто не успевал дотемна возвратиться домой, слишком мало шансов давала человеку природа.

Об этом приезжие узнали и почувствовали на себе в первую же зиму. На ветру лицо обмерзает, ресницы слипаются, люди пытаются спрятаться от ветра, да куда от него спрячешься, работать надо. Очень часто с воем вваливались в теплые помещения, совали руки и ноги в баки с водой, одеревеневшие конечности начинали отходить, плач поднимался еще громче, так как в руки начинали заходить по местному выражению шпары.

Лейтенант районного НКВД часто навещался в село. В такие дни приезжие старались поменьше показываться на улицах, побыстрее и пораньше уходили на работу, скрывались в дальних углах ферм. Ну как контрики работают, пытал председателя лейтенант. Работают, куда они денутся, отвечал тот неохотно. А разговоры какие ведут слышал? Некогда мне к ним прислушиваться, дел по горло. Но-но, ты это брось некогда, забыл что-ли о бдительности. У меня голова болит как скот сохранить, через день грозят голову снять. Ты смотри председатель, ухо держи востро, первый будешь отвечать за них.

Как-то раз пристал к Тимофею, слышал с немцами дружбу водишь, о чем они говорят, советскую власть задевают? Тот сохраняя спокойствие на лице, ответил, было раз, слышал. В сарае присел по большой нужде, за стеной говор пробивается, про власть что-то. Прислушался, власть говорят хорошая, да дуракам досталась. Да ну, подскочил лейтенант, ну и ты за ними? Как же я со спущенными штанами и на улице. Да ты гад должен был мухой лететь! Скрутило меня сильно, пока то да се, выскочил на улицу, а их уже след простыл. А по голосу узнаешь? Какое там, ветер выл, аж на душе тошно. С сожалением хлопнув себя по кобуре, лейтенант поплелся в правление.

Как ни уставали на работе парни и девушки, а в колхозный клуб ходили постоянно, молодость брала свое. Приехавшая молодежь, первое время там не появлялась, то-ли дома не пускали, а может побаивались. Но постепенно стали появляться и они. У кого-то из приехавших был патефон, веселья прибавилось, пластинки были хорошие, танцевали допоздна. На более тесную дружбу с немецкими парнями и девушками местные поначалу не шли, но тяжелая работа сближала и невидимая грань отчуждения стала исчезать.

Одним из первых в клубе стал появляться Роберт, сын учителя Ланге, парень был видный, веселый. Местные девчата долго не решались закадрить с ним, что-то удерживало их. Может от того что был, немец, помнили разглагольствования лейтенанта НКВД, может радио, постоянно напоминавшее, с кем идет война. Танцевали, смеялись, но последнюю грань не переходил никто.

Первой эту границу нарушила Надька Переверзева, дочь завсклада. Девка была красивая, своевольная, часто ей попадало от отца за характер. Был слух что к ней присватывался лейтенант энкавэдэшник, да только отшила она его. Как уж там дело было между ними, один

бог знает, только полюбили друг-друга Роберт и Надька. В деревне такое долго не скроешь, дошла молва и до Переверзева. Можно только догадываться как воспитывал отец дочь, ее крики соседи часто слышали. В клубе она стала редко бывать, да и то недолго, дома орал отец, с фашистом связалась сучка, да я же комму-нист, а ты с немцем, убью, ежели замечу хоть раз. Что уж там говорил Переверзев Роберту и его отцу, да не получилось у него разлучить их, встречались они при первой-же возможности.

Кончилась эта история тяжело, страшно. Понял Переверзев, что не получится у него ничего, стал частенько в район мотаться. Зима уже на исходе была, приехал как-то в село лейтенант энкавэдэшник, вызвал в правление Роберта. Поедешь говорит в Караганду, разрядка на район пришла, рабочих рук на шахтах не хватает, завтра вместе и поедем. Стиснув зубы Роберт молча пошел домой, вечером в клубе сказал об этом Надьке, залилась та слезами, заби-лась. А метель поднялась, вытянутой ладони не видно, через час блуждающий человек превращается в обмороженную глыбу. В такие ночи лишь редкие отчаюги выбирались за околицу.

Неизвестно, кто надоумил их, только решили Роберт и Надька бежать, куда непонятно. Спихватился поздно вечером Переверзев, а дочери нет, в клубе тоже нет, заметался по селу, надеялся, что ночует у кого-либо дочь. Утром не явилась дочка, понял тогда искать надо, а куда пойдешь, ветер с ног сбивает. Побежал к учителю, тот тоже сам не свой, не знает где сын, лейтенант еще под ногами путается со своими предположениями.

Лишь на третий день утихла метель, солнце выглянуло яркое, почти весеннее, лейтенант суется, требует поиск организовать. А как его организуешь, снега в степи по грудь. Переверзев, вспомнив, побежал к Каирбеку, дед, седлай свою кобыленку, бери собак, поезди вокруг села, может найдешь. Умная твоя кобылка, должна почуять человека, да и собаки помогут.

Два дня маячила фигура деда на лошади вокруг села, на третий заволновалась кобылка, захрапела, собаки залаяли, стали снег рыть. Отогнал их Каирбек, запомнил место, поехал в село. Народ собрался, следовательно приехал, начали раскапывать снег. Когда раскопали, закричал Переверзев, повалился на землю. Следовательно, кривясь лицом, попросил лейтенанта, уведите его, тоже мне Монтеки и Капулетти нашлись в этой степи. Смотри-ка ахали бабы, укутывал ее перед концом пальтишком-то своим, согреть видно пытался сердешный. Следовательно, присев на корточки, осматривал замерших, да-а, цедил сквозь зубы, хороши Ромео и Джульетта. Чего это твой папашка прибегал к нам, женились бы да жили, хорошо, что хоть нашли вас, а то бы только весной вытаяли подснежнички. Он сплюнул и обратился к столпившимся, все граждане, расходитесь, прошу в буран быть осторожным, две жертвы уже есть. Три, тихо поправил учитель Ланге, трое их было. Народ тихо ахнул. Вскрытие делать не будем, итак все ясно.

Дома жена Переверзева иступленно рвала на муже рубаху, била по лицу крича, ты убил ее, ты сгубил кровиночку мою, ты фашист! Переверзев с невидящим взглядом стоял посреди избы, потом рухнул на пол.

Вечером пришел учитель Ланге, немного помявшись спросил Переверзева, как хоронить будем, вместе или... Жена оторвав взгляд от дочери, лежащей на сдвинутых лавках, с трудом размыкая губы прошептала вместе будут лежать все трое.

Весна сорок второго подошла незаметно, раненые и отпуски в селе не появлялись, первые демобилизованные появились в селе в начале июня, посевная закончилась, тепло уже было. В воскресенье в клубе должно быть собрание, обещало начальство из района приехать. К вечеру народ потянулся к клубу. Показался грузовик, в кабине рядом с водителем сидела женщина, под пальто был виден белый халат. Кто это к нам, сказал председатель, спускаясь с крыльца. Машина остановилась у клуба, женщина выскочила из кабины, обратилась к стоявшим-товарищи помогите раненых с кузова снять. Все с любопытством окружили машину. Неожиданно из кузова послышалось громкое пение, хриплый смех. Кто это там поет, загомонили женщины, рад наверное что домой добрался.

Открыли борт, все увидели двух солдат, лежащих на матрацах, накрытых одеялами. Один стал сбрасывать одеяла, помог товарищу. Толпа придвинулась к машине, ахнула и качнулась обратно. Ой бабоньки, страх-то какой, они ить безногие, а второй гляньте без рук, рукава болтаются! Да это же Нурлан, Каирбека младший, старший-то погиб. А второй кто? Да это же Тимофея брат двоюродный, Санька, ну который у него до войны жил. А чего же поют-то господа? Не видишь что-ли выпили пока ехали. А как Нурлан пил без рук? Совсем дура, Санька ему поднес вот и поют. Нестройное пение продолжалось, пока солдат осторожно спускали на землю. Их сразу окружили сельчане.

Здорово земляки, не узнаете что-ли, Нурлан я, а это мой друг Саня. В круг протиснулся Тимофей, опустил на колени, обнял обоих. Живы, ну и ладно, радуйтесь, домой добрались. Тимофей, пьяно кричал Нурлан, посмотри какие мы. Самовар теперь я как говорится, с крантиком, он снова пьяно захохотал. Затем уронил голову, слезы капали на шинель. Ужас и сострадание пробежали по лицам сельчан. Учитель Ланге закрыв лицо руками, покачиваясь пошел в сторону старого склада. Видите какие мы стали, Москву обороняли, вместе с Саней и накрыло нас. Сане повезло, у него руки остались, а у меня только голова, он снова хрипло рассмеялся.

В круг пропустили старого Каирбека, его белая голова опустилась на грудь сына, плечи затряслись. Отец, а где Джамал, дети? Идут они, сейчас будут здесь. Обратился к Тимофею, иди за телегой, домой их повезем. Погоди отец, дай с земляками поговорить.

Ой глядите, Джамал бежит! Уйду, не могу смотреть на такое, сердце разрывается глядеть на эти страсти! Толпа расступилась, как-бы нехотя пропуская Джамал. Некоторые закрывали лица руками, боясь увидеть что-то тяжелое, страшное. Джамал, слышался радостный голос Нурлана, вот мы с Саней домой приехали. Джамал опустилась на колени, поцеловала Нурлана, потом Саню. Живы, ну и хорошо, слава всевышнему, она вытерла слезы с лица мужа. Сейчас домой поедем, ужинать будем, маленького нашего ты еще не видел, растет, большой уже.

Господи, какое сердце у ней! Хоть бы слезинку уронила, меня бы наверное водой отливали. Много ты понимаешь что у ней на сердце, ее слезы еще впереди. Подъехал на телеге Тимофей, давай мужики будем загружаться, пора домой. Через несколько минут телега ехала по улице, Каирбек, покашливая, вел лошадь под уздцы. Старухи на лавочках, приставив ладонь козырьком, наблюдали эту тяжелую и радостную процессию.

После того, как привезли двух искалеченных, редко в селе появлялись люди в шинелях, а вот за год до окончания войны появились в селе еще люди. Весна уже начиналась, в марте дело было. Новость как всегда разнесла Кланы. Вытаращив перепуганные безумные глаза, бормотала женщинам у колодца. Страшные все, черные, в шапках, в горах говорят живут. Некоторые, самые любопытные, побежали поглядеть, правду-ли болтает Кланы.

Действительно, возле правления стояла небольшая толпа нездешних людей кавказского обличья. Они озирались по сторонам, разговаривая на непонятном языке. Два милиционера с автоматами курили неподалеку, лейтенанта не было, наверное ушел в правление. Некоторые, самые любопытные спрашивали у приезжих откуда они. Те нехотя отвечали, с Кавказа мы, чеченцы, есть ингуши. Почему привезли вас пытали сельчане?

За дело товарищи, за нехорошие дела подсказал лейтенант спускаясь с крыльца. Фашистам служили, хлебом-солью их встречали, проводниками в горах у них были, зады немцам лизали суки. Товарищ Сталин хорошо знает этот народец. Собака твой Сталин, шакал он, раздался голос в толпе приезжих. Деревенские ахнули от такого святотатства, папироса выпала изо рта лейтенанта. Эт-то кто сказал, рас-тягивая слова произнес он двигаясь на толпу и рас-стегивая кобуру. Да я вам за товарища Сталина глотки перегрызу.

Из толпы с трудом вывернулся молодой парень, его видимо удерживали. С акцентом, коверкая слова закричал в лицо лейтенанту-ты знаешь как нас везли, маму убили, братьев убили, многих убили! Парень упал на колени, стал бить руками талый снег, сволочь твой Ста-

лин кричал в иступлении. Затем вскочил и кинулся на лейтенанта, в руке сверкнула сталь клинка, охранники кинулись на помощь. Два pistolетных выстрела бросили парня на снег, извиваясь, он махал кин-жалом, пытаясь достать лейтенанта. Тот с белым лицом отступал к милиционерам, грохнули одновременно два автомата, молодое тело заизвивалось на снегу, марая его красными разводами. Местные с криками бросились по домам.

Через некоторое время приехавшие окружили распростертое на снегу тело, слышались всхлипы и причитания. Лейтенант, не выпуская из рук pistolета орал-вот так будет с каждым, кто попытается оскорбить товарища Сталина, вот так мы будем вас уничтожать! Люди не слушая лейтенанта опускались на колени, трогая руками убитого.

Бабушка Елена вытерла слезу, погладила скатерть на столе. Ох много чего пережили в ту войну, а работали как, а ждали как, всего не расскажешь, много нужно времени чтобы все поведать.

Поездка в город

Мартыниха проснулась рано, встала, пошла проведала корову, кур, солнце только поднималось, в саду громко чирикали воробьи. Кот весь мокрый от росы с разорванным ухом пробирался вдоль забора домой. Бабка погрозила ему-ух ты блудник, мышей полон дом, а он только ест да спит весь день, а ночью его и с собаками не сыщешь. Кот устало поглядел на нее как-бы говоря, эх бабуля, как будто ты не была молодой.

Вернувшись в дом стала собирать сумку, к обеду должен был приехать зять, забрать ее, у младшей дочки родился внук, поэтому старушка так рано засобиралась. На глаза попался крестик, завернула его в платочек, надо сказать дочке, чтобы обязательно покрестила правнука, внучка молода еще, ветер в голове, хотя уже год замужем.

На веранде скрипнула дверь, бабка подняла голову, на кухню на цыпочках пробирался внук Валерка, увидев ее спросил, чего не спишь? В город поеду, собираюсь вот. Родители его жили через дорогу, но он предпочитал жить у нее. Есть хочу бабуля, сил нет, торопил внук. Знаю ужо, не торопи, заворчала старушка, открывая холодильник, опять всю ночь прошастался, а днем на работу. Какая работа, воскресенье, спать будем, зевая сказал внук. Поди с Надькой гулял, с ней сказал внук пододвигая тарелку. Как ни странно, между ней и Валеркой тайн не было, она знала всех его друзей и подружек. Ты уж смотри, не вздумай баловать с ней, долго-ли до греха, ей наверное еще и семнадцати нет. Не боись, бурчал внук с набитым ртом, здесь полный порядок, да и не такая она чтобы лишнее позволить. Знаю я этих девок нынешних, ум есть пока солнышко светит, а вечером, когда на свиданку бегут, дома его забывают. Акселерация, пояснял Валерка, я те дам кселерация, ответила старушка, соседке Варьке восемнадцать всего, а уже вторым ходит, где отец у этих кселератов, собаками не сыщешь.

Поев, Валерка отправился спать, а старушка продолжила собираться. Пришла Валеркина мать, спросила-надолго загостюешь? Ой не знаю, боюсь даже ехать, ты уж тут за домом приглядывай, я ведь ни разу далеко не уезжала, сама знаешь.

Зять приехал к обеду, шумный, разговорчивый, собирайся мать, поедем в город цивилизовываться. Охая и крестясь Мартыниха села в машину, помахала рукой через стекло. Всю дорогу смотрела по сторонам, ахала, удивлялась как ребенок. Ты что мать, на самом деле не выезжала из своей деревни? Ни разу сынок, всю жизнь живу в селе, уж так получилось. В город приехали к вечеру, уличный шум, движение поразили ее, господи шептала, как они не глохнут в этом содоме. На лифте поднялись поднялись на шестой этаж. Дочка встретила мать целуя, говоря, что наконец то приехала наша бабуля посмотреть как мы живем. А внучка где живет, спросила присаживаясь? Квартира у них кооперативная, вместе со сватом купили, отдельно живут.

Пожинав, старушка стала осматривать квартиру. Дочь показала ванну, туалет, объяснила как ими пользоваться. Господи, про себя подумала Мартыниха, как это в доме отхожее место, здесь едят и здесь же до ветру ходят. Да иначе и нельзя, не поставишь ведь на улице каждой семье туалет. Осторожно двигаясь по квартире рассматривала ковры, сервант с хрусталем, мебель. Чистота какая и плюнуть негде, прости господи. Вышла на лоджию, светящийся город поразил ее, ровно пчелы в ячейки забрались, одинаково живут, а как же иначе. С опаской поглядела вниз, страх-то какой на высоте жить.

Спала бабка на диване в зале, всю ночь прислушивалась к шуму машин, другим звукам ночного города, задремала только под утро. Разбудил тот же шум машин, тихонько встала пошла в туалет, вернулась расстроенная и снова прилегла. Дочь проснулась около восьми, поставила чайник, вошла в зал. Что с тобой спросила, взглянув на изменившееся лицо матери, заболела что-ли? Погодь, пусть муж на работу уйдет, потом скажу.

Ну что с тобой спросила, когда муж позавтракав, уехал на работу. Ох доченька говорить-то не знаю как, смех и грех, не могу никак в туалет сходить, веди меня на улицу. Да куда же я тебя поведу, город кругом, но тут же вспомнила, погоди, здесь рядом дом строится, там кажется на улице туалет есть.

Вернулась старушка повеселевшая, дочь смеясь приказывала, ты давай привыкай к городским условиям, на улицу мы с тобой не набегаем. Да уж буду стараться отвечала Мартыниха, деваться некуда.

Весь день просидела в квартире, смотрела телевизор, помогала дочери. Вечером приехал муж внуки Санька. Ты что бабуля весь день дома? Собирайся, сегодня у нас будет культурно-развлекательная программа, поедem в ресторан, насколько я знаю ты не посещала подобные заведения. Что ты внучек, никуда я не поеду, старая я и одежда на мне не та что надобно. Успокойся, туда ходят люди разных возрастов, постарше тебя бывают, а одежей твоей, как ты говоришь, никого не удивишь. Там народ бывает в таких нарядах что, ну вобщем сама увидишь. В машине спросила-когда за ребенком в роддом поедешь? Дня через три должны выписать.

Подъехали к ресторану, старушка боязливо поглядывала по сторонам, держась за Санькину руку. Официант с любопытством поглядывая на живописную гостью ресторана, спросил что будете пить? Что ты сынок, не пью я вина. Значит так, сказал Санька, я за рулем, а бабуле принеси коктейль, в нем градусов почти нет, как раз для тебя. Старушка не стала спорить, смирилась с Санькиным гостеприимством.

Зал постепенно наполнялся народом, на столах появлялись салаты, водка, коньяки. Внучек, а чего на стол хорошую еду не ставят, водку салатами закусывают, травой можно сказать. Горячее принесут позже, так положено. А если они уже пьяными сделаются, тогда хоть чем их корми, не протрезвеют. Бабуля, здесь не свадьба, по команде не пьют, каждый пьет и ест по своему здоровью и карману.

Принесли коктейль, из фужера как и положено выглядывала соломинка. Коктейль нужно пить через соломинку, подсказал Санька, видя как неуверенно старушка смотрит на фужер. Через солому не буду, нехорошо это, а через край попробую, согрешу уж. Тихонько перекрестившись, храбро отпила и тут же хотела выплюнуть под стол, но перетерпела, проглотила. Господи, из чего же сделана эта коктейля, моргая слезами, спросила старушка, ну чисто Нюркин самогон. Она в него разные травы и ягоды добавляет, чтобы дух сивушный отбить. А этот еще запашистей, но по крепости слабый. Санька хохотал, откинувшись на спинку стула.

К потолку поднимались дымные облака, музыканты вышли на сцену, долго настраивали инструменты, потом заиграли. Принесли горячее, смотри внучек, как мало на тарелки кладут. А если мужик здоровый за стол сядет, он же голодный уйдет. Здесь все продумано бабуля, хорошо накор-мишь, долго трезвые будут гости, да и прибыль должна быть постоянной.

Глянь-ка внучек, зашептала старушка, украдкой показывая на одну из девиц, как она ловко курит и следом пьет, ну чисто как наш деревенский пьянчужка Егорка. Он возьмет бутылку красного вина, папироску в зубы и пьет и курит вместе, чтобы сильнее забрало. Скучающая девица потягивала коньяк, глубоко затягиваясь следом. Бабка заморожено глядела на нее, губы ее шептали, в войну бабы с горя курили, а сейчас с чего? Ну ладно, эта в теле, а вон та в углу, груди не видно, кожа да кости, а курит и пьет не меньше этой. Не обращай внимания бабуля, таких здесь полно, лучше музыку слушай.

Певица придушенным голосом, на непонятном языке, что-то кричала в микрофон. Что она все по заграничному поет, когда наши песни петь будет? Пока народ трезвый, здесь западные песни исполняют, а когда народ поддаст, начнут наши петь. А чего так, допытывалась старушка? Да как тебе сказать, зов предков что-ли.

Когда большинство покраснело лицами, началось самое веселье. Бабка удивленно смотрела как седые и крашенные, в солидных годах мужчины и женщины отплясывали нечто среднее между русской плясовой и ламбадой. Тряся громадными задами, махая руками, толпа колы-

халась, пела, орала, свистела. Внучек, а чего они так разгулялись, праздника вроде никакого нет, именин вроде не видно. Отдыхают люди после трудового дня, оттягиваются. Ох что-то не видно по ним, что за день наломались они возле станка или на стройке. Да и с похмелья завтра какая работа, ежели так гулять каждый день. Бабуля, тебе бы следопытом работать или в полиции нравов, все рестораны позакрывала бы.

Санечка, я вон на тех двух девушек давно гляжу, они все промеж столов ходят, с мужчинами разговаривают. Пить вроде не пьют и не едят ничего, наверное денег у них нет, а зачем сюда пришли? Одежи на них совсем мало, учительши наверное, раз такая одежда бедная. Санька глянул на девиц, как-то странно заулыбался, точно бабуля, преподают они, на дому уроки дают, уроки правда дорого стоят.

Поехали внучек домой, грешно мне здесь сидеть, гляди вон бабы с мужиками на людях обнимаются, а мужики эти видно чужие. Несовременный ты бабуля человек, продукт сталинской эпохи, смеялся Санька подзывая официанта. Рассчитавшись, посмотрел на удивленное лицо старушки, ой Саня, что-то много уплатил ты, обманул тебя этот мордатый, мы ведь совсем мало ели. Милая моя бабушка, здесь не колхозная столовая, а ресторан, а за удовольствие надо платить. Какие такие здесь удовольствия возмутилась старушка, дым столбом, музыка гремит, шум, крики, у меня голова гудом гудит. Ладно была бы свадьба или еще какая гулянка, а как можно отдыхать, как ты говоришь в этом содоме.

Дома бабка долго нюхала кофту, шептала молитвы и корила себя за прогрешения. Пропахла-то как табачищем, вином и еще чем не могу понять, не людской дух, чижолый.

Правнука забирали из роддома через три дня, Мартыниха не собиралась, но Санька заехал и заставил собираться. В машине кроме детских вещей лежали цветы, бутылка шампанского, коробка конфет. Что, в больнице надо пить, спросила старушка. Нет, это я медсестрам подарок везу. В душе она была не против конфет, а вот вино ей было не по душе. В роддоме недовольная заспанная медсестра, взглянув на шампанское, недовольно пробурчала, что люди уже давно коньяк привозят. Чего она недовольная не поняла старушка, она ведь получку за работу получает, да и нехорошо вино брать за детей. Да ладно бабуля, не возмущайся, событие все-таки радостное. Вышла внучка с ребенком, увидела старушку, обрадовалась, возьми ребенка приказала Саньке медсестра, чего истуканом стоишь.

Через несколько дней дочь Мария затеялась созвать близких друзей и знакомых, как сказал зять для обмытия первого внука. Мартыниха активно помогала дочери в приготовлении праздничного стола. Ворчала, что дух у пирогов не тот, да и откуда ему быть, если все готовится на газу или на электричестве.

Гости собрались к обеду, старушку посадили за стол, поздравили с первым правнуком. Ели и пили долго и много, старушка все ждала когда запоют или спляшут. Но гости говорили о вещах, работе, машинах, деньгах начальниках. Странные какие, будто не на гулянке сидят, а на собрании. Не утерпев, спросила у сидящего рядом мужчины-чего это вы такие скучные, пить пьете, а не веселитесь, может вы все партийные? Мужчина, улыбнувшись, сказал-бабуля, мы уже в такую партию вступили, члены которой должны пить водку дома под одеялом и там же считать деньги. Боюсь, что мы и собираться скоро не будем, он выпил рюмку водки и не закусывая ушел на балкон.

Вечером, помогая дочке убрать посуду, сказала что пора ехать домой, загостилась. Мария пыталась еще оставить мать погостить, но та просила отвезти ее домой.

Вечером следующего дня сидя на лавочке возле дома, вдыхала чистый деревенский воздух. Ну как там в городе, спрашивали соседки старушку. Ох милые, согрешила я там, в ресторане была, коктейль пила.

Свет в окне

Давно он там поселился, больше двадцати лет уже прошло. Местные поначалу долго судачили, чего он один кукует, чего себе жизнь ломает, шел бы к людям и жил как все. Мужики толковали, как он без бабы обходится, парень здоровый, около двух метров ростом, силищи как у бугая, в самом соку можно сказать. Другие хихикали, а может он не такой как все, таких сейчас много развелось. Не выдумывай дурак, я с ним в бане часто мылся, когда он ещё в армию не ушел, нормальный он, тут что-то другое. Пенсионер Ильич, учитель по литературе тоже подначивал, смотри, новоявленный отец Сергей явился, скрывается скорее всего от кого-то, времена сейчас сами видите какие.

Разговоры эти шли о местном парне по имени Виктор, родившийся и выросший в этом селе. Отец у него был егерь, гроза местных и заезжих браконьеров, мать в детском садике работала, семья самая обыкновенная, всё у них было как у большинства соседей. Пришёл срок и призвали его в армию, отгуляли как и положено проводы, поехал парень служить.

Прошло какое-то время и люди стали замечать как потемнела лицом мать, как бережно и трепетно брала из рук почтальона редкие письма от сына, бежала в дом на ходу открывая и читая. Особенно не удивлялись, единственный сын на два года уехал из дома, будешь конечно ждать и волноваться.

Беда пришла когда отслужил Виктор почти год, отца Убили браконьеры или бандиты. Милиция пыталась искать убийц да всё понапрасну, ещё и времена наступили те самые смутные, горбачевская перестройка заканчивалась. Мать после похорон всего неделю прожила, сердце не выдержало утрату, рядом и похоронили. Соседи пытались Виктора из армии вызвать, в военкомат ездили, просили. Хмурый военком через неделю сказал, не получится ничего, далеко он служит за речкой. За какой ещё речкой спрашивали люди, много у нас речек. Да за рубежом он служит в Афганистане, неужели непонятно, оттуда не так просто приехать. Родительский дом закрыли, окна аккуратно заколотили, Ключ отдали соседке старушке.

Одним словом отслужил свои два года Виктор как и положено и вернулся домой где-то в середине мая. Соседи грустно здоровались, да и чего парню скажешь, две Красных звезды и медали у парня на широкой груди, хлебнул видно всякого пока служил. Соседка старушка крестясь и причитая принесла ключи. Витюша, сокол мой ясный, беда-то какая случилась на твою голову, а голова твоя вижу белеть начала, а когда уходил как вороново крыло была. Родом старушка была из Белоруссии, до войны там родилась. Мужики наши после той войны вот так к пепелищу возвращались, а твой дом не сторел, а внутри пепел. Увели соседи домой плачущую старушку.

Долго стоял у родного крыльца Виктор, сжимая в побелевшей руке ключи, потом открыл прижавевший замок, вошел в дом. Как он там переговаривались соседи, хоть бы чего не сделал с собой с горя, не каждый такое может перенести.

Где-то через час вышел из дома и направился в сторону кладбища. До вечера сидел у могил родителей, чего уж там думал одному богу известно. Вернувшись домой оторвал доски, закрывавшие окна, когда стемнело загорелся свет.

Остался парень жить в селе, дом в порядок привёл, но работы подходящей не было, разваливалось всё, наступали как писали позже лихие девяностые. Ездил на станцию вагоны выгружал, в магазине грузчиком работал, перебивался одним словом как и многие в то время. Деревня постепенно разваливалась, точнее закрывались фермы, мастерские, земля всё меньше засеивалась. Люди плохо понимали почему всё рушится.

Очень скоро стали появляться новые, непонятно откуда взявшиеся новые хозяева земли, строений и прочего бывшего совхозного имущества. Люди ахали, удивлялись, гляди, этот толстомордый пшеницу от ячменя не отличает, явно никогда в тракторе не сидел, а заявляет что

земля теперь его. И как это он сумел, всё было наше общее, а теперь его. На общих собраниях смельчаки кричали им, ребятки в каких деревнях вы родились, откуда в наши места прибыли, сколько лет в поле работали? Девочек в черных очках их сопровождавших, спрашивали могут-ли они коров доить, картошку полоть? Те молча курили презрительно сплёвывая в сторону спрашивающих. Потом спрашивать перестали, когда у одного самого любопытного дом почему-то сгорел.

Виктор часто стоял в толпе сельчан и слушал бывших райкомовских начальников, блаживших не о светлом будущем, как раньше, теперь они вещали о свободе, демократии, рынке и инвестициях. Въедливый и дотошный местный дед Андрей спросил как-то одного из выступавших, родимый, а как же с коммунизмом, ты давеча в совхозном доме культуры на собраниях обещал его построить, а сейчас про рынок талдычишь, вроде как обманул ты нас. Хохот не дал деду договорить, ты что старый не видишь куда ветер дует. Дед стараясь перекрыть смеющихся, спрашивал у оратора, родимый, а куда ты свой партбилет девал, ты его прихорони, вдруг наши вернутся, а ты тут как тут с красной книжкой в руках.

Но шутить людям хотелось всё меньше, бедность всё чаще стала проникать в дома людей. И пожаловаться становилось некому и некуда. Воровство разгулялось, участковый и приезжавшая милиция отмахивались от жалоб людей, не до ваших мелочей, тут серьёзные дела не успеваем разгрести.

Изменилась жизнь, в магазинах товары всякие заграничные все полки заняли, но особенно люди менялись, крыли власть на каждом углу, передавали друг-другу всякие новости, неизвестно где услышанные. Заметил и Виктор всю эту свободу, но на душе от этого спокойней не становилось, люди искали и ждали чего-то такого, что сделало бы жизнь понятной и справедливой. Если работы не было старался быть дома. Друзья стали звать на дискотеки, рыбалку или просто посидеть и выпить. Отказывался Виктор, просил не обижаться на него. Соседки шушукались, чего это он такой, с девками не общается, сторонится, да и с парнями тоже не очень.

Праздник был, 9мая, праздник Победы, из района приехали начальники, бизнесмены, все на дорогих джипах, говорили много и патриотично. Ветеранов войны в селе осталось человек пять, поздравляли их, потом стали подарки им давать, Из багажников джипов достали пакеты, в которых торчали бутылка водки, палка колбасы, ещё какие-то консервы. Дед Андрей на фронте не был, всю войну в колхозе подростком на ферме и в поле работал, хлебнул сиротского горя, отец под Москвой погиб. Заглянул в пакет соседа Кузьмича участника войны, бедновата пайка по нынешним временам. Слышь дорогой, обратился к одному из приехавших начальников, стоящего и курившего в стороне, сколь денег стоит твой джип, наверное много. Взяли бы эти деньги и сделали ветеранам настоящие подарки. Нельзя дед, государство этот джип для работы нам дало, много ездить по району приходится. А в войну милых райкомовские на лошадях все ездили, как и мы грешные.

Виктор стоял неподалёку, смотрел на всё происходящее. Дед подошел к одному из бизнесменов в черных очках, а чего вы ребята афганцев забыли, их бы тоже как-то поздравить надо. Отстань старый, не морочь голову, Афганистан напал что-ли на нас, сами туда по дурацки залезли, этих афганцев по району сотни, на всех денег не хватит, я лично их туда не посылал. Вон районное начальство, иди и говори ему. Дед махнул рукой, да какие они начальники, думаю вы правите сейчас а не они, вернуть бы сейчас Иосифа Виссарионыча, все бы вы тачки возили.

Дед подошел к Виктору, пошли отсюда сынок, пойдём помянем всех кто за победу лёг. Побледневший Виктор молча пошел за дедом, который что-то бубнил и ругался.

Праздничную бутылку пили у Виктора дома, дед всё никак не успокаивался, наворовали суки, нахапали народного добра и жируют, прикормили власть и делают чего хотят. Их осталось ветеранов, по пальцам посчитать можно, а им как в тюрьму передачу привезли, копеечную. Виктор молчал, думал о чём-то своём, сжимая в руке рюмку.

Захмелевший дед тронул его за плечо, ты это сынок, как-то всё один я вижу, понимаю, тяжело тебе, но жить надо, молодой ты, женись, дети пойдут, на душе легче станет. С работой сейчас плохо, но ты сильный, заработаешь на жизнь. Виктор поднял голову, дед скажи, а старый кордон не развалился ещё, ну тот дальний. Дед наморщил лоб, осенью я за грибами туда с внуком ездил, стоит дом и постройки вроде все целые, и электричество наверное есть, висят провода на столбах. Лесники не хотят там жить, от села считай двадцать вёрст с гаком, молодёжь и подавно не заманишь туда. А тебе это зачем, жить что-ли там хочешь или работать? Глухомань там, сам знаешь какая, дорога заросла, а зимой только на лыжах доберёшься. Не знаю дед, думаю пока, но наверное подамся туда жить.

Ушел Виктор жить на брошенный дальний кордон, отшатнулся от людей, уединился. Приезжали к нему начальники по лесу, вроде как наняли его лес охранять, про отца вспомнили как он хорошо и честно работал. Какое-то жалованье ему положили, люди говорили что отказался он от денег, словом всякое болтали. Приходил Виктор в село, правда очень редко, забрал кое-какие вещи из дома, посуду, инструменты, в опустевших комнатах поселилась семья каких-то беженцев или переселенцев. Предлагали ему деньги за проживание, отмахнулся, не надо, вам они нужнее, обживайтесь. Купил в магазине соли, муки, чай, крупы всякие, прочую мелочь, друзья на телеге помогли всё перевезти. Почему ушел долго ещё обсуждали, одни болтали от горя, другие что от несправедливости, всякое говорили.

Всё лето обустроивал и ремонтировал запустевший кордон. Вставал рано, лес уже наполнялся пением птиц, утренний туман постепенно рассеивался, запахи утреннего леса врывались в дом. Весь день работал, с удовольствием работал, прерывался только на приготовление обеда, после которого снова принимался за работу.

Поправил дом, отремонтировал крышу, в баньке печку переложил, брошенные от сарая двери поставил на место. Оторванные от дома электропровода качались на ветру, решил проверить под напряжением ли они, осторожно коротнул их обрывком провода, бросив его на висящие алюминиевые обрывки, сноп искр показал что напряжение есть. Удивительно, как это линия сохранилась, подумал про себя, значит буду со светом. В сарае нашел хороший кусок кабеля, осторожно подключил дом к электричеству, про себя подумал, а зачем мне свет, телевизора всё равно нет, может со временем заведу.

Вечером сидел усталый на крыльце дома, мышцы ныли от проделанной работы, в траве слышал какое-то шуршание, кто это там, мыши что-ли пришли или зверёк какой. Всмотрелся и увидел кошачью мордочку, откуда здесь он, может кто выбросил. Кот не решался подойти ближе, видимо боялся. Вошел в дом, положил в консервную банку остатки обеда, поставил возле крыльца, иди ешь, голодный наверное.

Утром увидел что банка тщательно вылизана, всё понятно, не ушла животина, где-то рядом. Снова положил еду для гостя, принялся за работу. Несколько дней кот съедал пищу когда Виктора не было рядом, потом стал поджидать угощение находясь недалеко, а в один из вечеров сидел возле крыльца дожидаясь ужина. Когда поел Виктор зайдя в дом оставил дверь открытой, давай заходи, как назвать тебя не знаю, Лесником будешь, раз из леса пришел. Кот был молодым, года полтора не старше, осторожно зашел на крыльцо обнюхивая стены, потом стал ходить по комнатам прижимая голову к полу. Ладно, ты давай знакомься с жильём, а мне спать надо, устал я.

Утром кот резво выскочил на улицу потягиваясь и выгибая спину. Весь день, где бы не работал Виктор крутился рядом, прижмуривая зелёные глаза. Нам бы ещё собаку завести, тогда полный комплект будет. Ладно, вот пойду в село, постараюсь добыть тебе друга.

Через неделю собрался в село, нужны были гвозди лампочки, другие разные мелочи. В сарае взял тележку на хорошем резиновом ходу, оставшуюся от старого хозяина, рано утром отправился в дорогу. Кота не было видно, где-то шнырял по лесу. Часа через два добрался до деревни, взял в магазине необходимое, сходил в родительский дом, взял кое-какие

инструменты. Еле отбился от новых жильцов, усиленно звавших посидеть с ними. Сослался на занятость, оставленный без присмотра кордон. Соседки долго смотрели ему вслед, судачили, не понимая почему он не хочет жить в селе. А наша Дуня-неваляшка, сказала одна из женщин, собирается сходить в гости к нему, грозит настоящим мужиком сделать его. Знаем что ей сучке надо, ей только одного и надо, загомонили соседки, попрёт он её с кордона, по нему видно, не таков он, глаза у него грустные и усталые.

Выйдя за околицу, стал поправлять содержимое тележки, покрепче привязывать, чтобы чего не потерять. В кустах услышал какую-то возню, ворчание, решил посмотреть. В густой траве обнаружил щенка, присел на корточки, взял в руки. Везёт мне на живность, сама в руки идёт. Да, явно выбросили тебя брат нехорошие люди, а ведь ты я вижу породистый, лайка, вспомнил, какие у них в доме жили собаки, точно лайка. Придётся взять тебя, нельзя оставлять здесь, пропадёшь, да и друг тебя на кордоне дожидается, вдвоём вам веселее будет. Осторожно поместил щенка за пазуху, потянул тележку по заросшей травой дороге. Шёл и думал, как это мог щенок оказаться сбоку дороги, швырнули его скорее всего как ненужную вещь и уехали.

Не дойдя до кордона метров двести, увидел бегущего навстречу кота, вот и хозяин нас встречает, заждался наверное, сейчас буду вас кормить. Щенок жадно набросился на еду, вздрагивая маленькими худыми боками. Лесник ходил вокруг него кругами, принюхивался, даже пытался трогать лапкой. Подожди маленько, пусть поест, потом будете знакомиться.

К осени ремонт дома и постройка почти закончил, приезжало начальство из конторы лесхоза, интересовались не надумал ли обратно в село. Успокоил их Виктор, здесь буду жить, попросил чтобы лошадь дали или мотоцикл какой для присмотра за участком. Обрадованные начальники привели неплохого жеребца, привезли лёгкие сани для зимы и ещё пистолет полагающийся для охраны. Виктор взял в руки старый ТТ, поглядел на номер, да бери, положено тебе, уже и разрешение на тебя готово, и ещё двустолвку заberi, не помешает, время сам видишь какое. Не хотел брать оружие, но спорить не стал. Ты как-то странно на оружие смотришь, вроде боишься его, ты с ним, как мы знаем на ты должен, воевал ведь, раз награды имеешь. Взял ружьё, пистолет, пачки патронов, унёс в дом. Ружьё повесил возле кровати, пистолет спрятал в кладовке.

Чужие люди кроме начальства редко бывали на кордоне, далеко от жилья, да и не каждая машина проберётся по заросшей лесной дороге. Бывали в основном летом и осенью самые удачные ягодники и грибники, не боявшиеся забираться далеко в лес за добычей. Ахали и удивлялись как ты здесь один живёшь, спрашивали даже какую зарплату лесхоз платит за проживание здесь. Узнав сумму смеялись, за такие деньги меня на аркане сюда не затянешь. Не спорил с ними Виктор, просил только быть с огнём осторожнее в лесу.

Как-то в субботу натопил баню, стал таскать воду в большую бочку, стоявшую в углу возле печки, увидел как на поляну из леса вышла женщина, прихрамывающая на одну ногу. Пёс-найдёныш по кличке Уран недовольно заворчал, увидев чужого человека. Молодая женщина с корзиной в руках подошла к дому, села на скамейку, стала снимать с ноги лёгкий туфель. Виктор подошел, поздоровался, узнал в молодой женщине односельчанку Дуню. Вот Витя, пошла за ягодами и заплутала, ногу натёрла, пол-дня дорогу искала. Ранка оказалась пустяковой, Виктор вынес из дома йод, бинт, аккуратно стал обрабатывать. Близость женщины в лёгком летнем платье, пропахшей дурманящими лесными запахами, прикосновения к её ноге глушили сознание, не давали сосредоточиться.

Маленько посижу и пойду, дорогу теперь знаю, не заблужусь. Куда ты пойдёшь, вечер уже, как сквозь сон бормотал Виктор, утром и иди. Ты что оставляешь меня, а если я укушу тебя ненароком, игриво засмеялась Дуня, что тогда делать будешь. И взаправду, вечер уже, а у тебя вижу банька дымит, париться что-ли собрался? А я бы тоже ополоснулась, находилась сегодня. Вон возьми на верёвке чистое полотенце, мыло и мочалка в бане, воды я натаскал,

иди и мойся сколько хочешь. Игривой походкой, бросив на плечо полотенце, Дуня направилась в предбанник.

Виктор вошел в дом, стал готовить чай для ужина, увидел в окно как медленно распахнулась дверь предбанника, то ли сама открылась, или подтолкнули её. Дуня спиной стояла к двери, уже голая, распускала узел волос, поправляла их. Не смог Виктор оторвать глаз от её фигуры, пока она не вошла в баню. Сердце громко стучало, мысли путались, чёрт, принесло её не вовремя. Долго мылась гостя, несколько раз выходила в предбанник отдыхать, не обращая внимания на приоткрытую дверь. Виктор бросал воровские взгляды на обнаженное женское тело, сдерживая дыхание пытался что-то сделать.

После бани долго пили чай, по дому распространился запах женщины, кот кругами ходил вокруг стола, принохивался, недовольно фырчал. Пёс Уран, обнюхав гостью, недовольный ушел на улицу, вертел головой, чихал и негромко рычал.

После чая Виктор сказал, ты это ложись на мою кровать, а я на раскладушке в сарае лягу. Как это удивилась, Дуня, дом большой, три комнаты, а ты в сарае, я одна боюсь ночевать. Неси свою раскладушку в другую комнату и спи, или ты боишься меня, не бойся, я смиренная. Виктор, не зная что ответить, молча пошел за раскладушкой. Вернулся держа в руках раскладушку, Дуня уже лежала на его кровати прикрывшись простынёй, которая бесстыдно выдавала все прелести и изгибы её тела. Платье висело рядом на стуле, душно у тебя пожаловалась Дуня, форточку пошире открой.

Стараясь не скрипеть лёг на раскладушку, с трудом сдерживая дыхание, Дуня ещё что-то спрашивала его, он оглушенный запахами чистого женского, что-то отвечал ей, она игриво хихикала, жаловалась на твёрдость постели. Как задремал не заметил, снилось всякое, не остающееся в памяти.

Разбудил пёс, холодный нос которого тыкался в руку, тихо опустил ноги с раскладушки. Дуня голая, едва прикрытая прос-тынёй спала разбросав руки. Стараясь не шуметь проскользнул на улицу, опустился на ступени крыльца. Мысли путались, принесло её не вовремя и когда же она уйдёт. Умывшись, пос-тавил чайник, принялся за работу, но инструменты выпали из рук, перед глазами мелькало голое тело спящей Дуни.

Часа через два она вышла на крыльцо потягиваясь и жмурясь от утреннего солнца, хорошо у тебя здесь Витя, почти как в раю, птички кругом поют. Виктор шлифуя новое топориче поднял голову, зимой здесь совсем по другому, тишина или наоборот ветер воет, метель гудит. И как ты здесь один, не понимаю я, в бога наверное сильно веруешь, или какие грехи замаливаешь, у нас люди всякое болтают. Виктор молчал, продолжая работу, потом сказал, пошли чай пить, давно вскипел.

После завтрака Дуня засобиралась, пойду я, дома уже заждались наверное, ты уж извини неожиданную гостью. Виктор молча проводил до тропинки, она долго смотрела на него непонимающими глазами, потом тихо пошла в сторону лесной дороги.

Весь день не мог ничего делать, всякие мысли крутились в голове, работа валилась из рук, успокаиваться стал только к вечеру, пёс недовольно ворчал на молчащего хозяина, он привык что с ним постоянно разговаривают, заставляют что-то делать. А хозяин всё молчал, думая свою тяжкую думу.

Яркий свет фар озарил комнату, везёт мне сегодня на гостей, только одну проводил другие приехали. Включил свет, вышел на крыльцо, возле дома стоял большой джип, возле него стояли три человека в камуфляжной форме. Хозяин, пустишь на ночь, часа два дорогу искали, выехали на твой дом. Заходите, места хватит. Гости занесли в дом ящики с бутылками и закуской, дорогие ружья в чехлах.

Пили всю ночь, старший, директор какой-то фирмы, спросил Виктора, чего это ты здесь прозябаешь, может скрываешься или натворил чего? Виктор, выпивший всего одну рюмку, тихо ответил, нравится мне здесь, спокойно. Не понял, сказал старший, не могу поверить

что тебе здесь хорошо. Слышал от людей афганец ты, награды говорят имеешь. А людей убивал, признайся, пьяно засмеялся, убивал конечно, на войне без этого не получится. Детишек тоже наверное уничтожал, признайся? Виктор, сжимая в кулаке рюмку, глухо ответил, в детей не стрелял, не было этого, ну а остальное, всё было конечно. А может ты грехи здесь замаливаешь, тогда тебе надо в церковь, к попу. Гости пьяно захохотали, ты что парень, в самом деле в бога веруешь, такие грехи не замолишь ни в церкви ни на кордоне. А если сейчас тебя снова пошлют воевать, будешь в людей стрелять или слабо? Виктор не отвечал, глядя в угол комнаты.

А я, сказал старший, замочу хоть сейчас любого, если он этого заслуживает. А как же тогда суд, он для чего существует? Хитрый ты парень, ты там десятками народ валил, о суде не заикался, а я должен только по суду, не вяжется у тебя. Там совсем другое было, я не оправдываюсь, не мог же я присягу нарушить. Ладно парень, не оправдывайся, сходите лучше с водителем к машине, там в багажнике пиво лежит и какая-то закуска, принесите, не везти же обратно.

Водителя сильно развезло на улице, он присел на крыльцо, отдал ключ Виктору, ты там сам найдёшь что надо, а я отдохну. В багажнике нашел пиво, пакеты с закуской, в углу сверкнуло лезвие ножа с до боли знакомой рукоятью. Взял нож в руку, присмотрелся и сразу узнал нож погибшего отца. С трудом сдерживая дыхание спросил у водителя, а нож это чей валяется в багажнике? Водитель пьяно хохотнул, ты об этом шефа спроси, год назад или два с охоты привёз его, я тогда только устроился. Мужики шептали завалил он тогда то-ли охотника или егеря, я не допытывался, если хочешь сам у него спроси, хотя не советую, мужик он беспредельный, этим же ножом может и тебя того. Виктор отдал пакеты водителю, ты иди, я немного посижу на воздухе.

Присел на ступеньку крыльца, голова налилась свинцом, мысли мелькали одна хуже другой, хотелось войти в дом и отцовским ножом свершить справедливость. Он представил итог наказания, приходилось видеть и пострашнее. Сидел пока в доме не затихли, сжимая в руке нож осторожно вошел в дом. Все спали, старший храпел на кровати, кот брезгливо потрясывая лапкой обнюхивал стол. Взял в куртке старшего бумажник, прочитал фамилию, положил обратно. Как в тумане вышел на улицу, у колодца умылся, присел на пороге бани. Сжав ладонями виски смотрел на нож лежащий у ног.

Гости проснулись часов в десять, водителя мотало и качало, но все крепко похмелились недопитой водкой и коньяком. Сложили вещи в машину, помахали Виктору рукой, лихо развернулись и выбрасывая из под колес землю и траву быстро скрылись в лесу.

Весь день Виктор опустошенно ходил вокруг дома, пес недовольный поведением хозяина, тыкался носом требуя внимания. К вечеру решил прибраться в доме, взял ведро направился к колодцу и сразу увидел милицейский уазик выехавший на поляну. Везёт мне на гостей, эти то чего заявили. Милицейские долго не задержались, спросили о вчерашних гостях, поглядели на остатки пиршества, покачали головой. Когда садились в машину, Виктор спросил что случилось? Гости твои всмятку, водила только живой, почему-то сзади сидел, в Камаз врезались, эксперт сказал в них спирта было больше чем крови.

Уазик уехал, Виктор вздохнул и впервые перекрестился, благодаря бога, не допустившего его к совершению наказания и пролитию крови. Слава тебе господи за твою справедливость.

Два путника вышли на поляну тяжело дыша, буран гудел ломая ветки деревьев, сквозь снежную пелену виднелись освещённые окна дома. Ну всё, теперь не пропадём, человек здесь живёт, говорят хороший.

Политики

Здравствуйте вам, сказал Егор Столбов, переступая порог избы. Здорово, буркнул его двоюродный брат Трофим, сидевший на низкой табуретке и подшивающий валенок внуку, проходи садись. На печи откинулась занавеска, показалась старушечья голова с острыми глазами. Это ты что-ли Егорша, давненько не заходил. Баба Груша была тещей Трофима, жила уже девяностый год, но в детство не впадала, видела хорошо, только была слаба на одно ухо. Да все некогда было, то одно то другое. Слышали, обратился он к Трофиму и его жене, про перестройку? Слышали, ответил Трофим, уже год галдят одно и то же, надоело. Чего-чего, приставив ладонь к уху высунула голову бабка, чего дали-то Егорушка? Дали значит нам гласность, ускорение и как там мать ее, он хлопнул себя по лбу демократизацию, чуть не забыл. Поняла тетя Груша, бери значит и пользуйся. А на кой они мне, не поняла бабка, куда я их дену. Ну тебе тетя Груша перестройка ни к чему, перестраивать в тебе

ничего, остатки разваливаются, да и пребываешь ты в переходном возрасте, с этого света на тот. Болтун обиделась бабка, молоденький выискался, весь в дядю Кондрата, такой же был балабол.

Егор слыл в селе человеком грамотным и опытным, так-как в свое время окончил полковую школу и отсидел пол-года в тюрьме. А огороды урезать не будут, допытывала бабка, об этом что пишут в газетах? Про огороды молчат, но перестраиваться говорят будем. Это что, фермы перестраивать будут, или клуб, или еще что?. Темный ты человек тетя Груша, не фермы будем перестраивать, а самих себя. Он достал из кармана свежий номер «Правды», ткнул пальцем в передовицу. Образ жизни будем менять, демократию расширять, ускорять социально-экономические процессы. Это что, колхозы распускать будут, опять еди-нолично? Тебе тетя нормальным языком сказано, перестраиваться будем во всем. Не поняла я тебя балабола, шибко мудрено говоришь.

А гласность дали это что? А это тетя, что у тебя на уме осталось, можешь смело говорить. И не посадят, засомневалась старушка, не верится что-то. А ежели я супротив власти чего нехорошее скажу, заберут меня или нет? Лично тебя забирать никто не станет, так как могут не довести куда нужно. А вот можно-ли против власти ругаться прямо не пишут, но я думаю можно. Крыть матом конечно не дадут, а хорошими словами, я думаю, запрещать не станут.

Я когда к вам шел, с секретарем нашим партийным разговаривал. Он с художником на клубе и магазине новые лозунги вешал. Долго калякал с ним, пытал его насчет этой самой перестройки, про демократию спрашивал. Он мне говорит, вот читаю газеты, смотрю телевизор, вроде все понятно, а вот что и как на работе, в колхозе перестраивать, никак понять не могу. Вроде у нас и не нужна перестройка, хлеб сеем, фермы работают.

Нету говорит сверху понятного указа, делай то, поменяй другое. Я его спрашиваю, письмо тайное вам приходило? Да не тайное, подал голос Трофим, а закрытое. Во-во закрытое, ну то, которое они тайно читают, закрывшись в конторе. Нет говорит, не приходило, сам говорит жду.

Пытал его насчет ускорения, объясни говорю, как ускоряться надо, корову что-ли быстрее доить, или пахать быстрее. Григорыч, говорю, ты геолого-разведочный институт закончил, скажи как разведчик бывшему разведчику, может какие враги к нам проникли? Разводит подлец руками, ничего толком не говорит. Ладно, я в воскресенье бутылку возьму, сядем, он мне все выложит, что знает.

А оно тебе надо, мало-ли на нашем веку всякой дури затевалось? Да не могу я как слепец ходить, чую интересное дело наверху затеяли, понять мне хочется что из всего этого может выйти. Раз перестраивать начали, значит не так строили. Ты Егор егозишься, а сам не знаешь зачем, забыл как нам при Сталине и при Хрущеве, и при Брежневе обещали райскую

жизнь. Не голодуем конечно, слава богу, а как было пол-села бездельников так и осталось. Одно боюсь, что так сразу болтать обо всем разрешили. Мы сейчас как слепые, бежим неизвестно куда, а вожаки нас под зад подталкивают. Народ сейчас на молодняк похож, которого весной из загона выпустили. Хвост трубой, несется незнамо куда, загородки ломает, свободе радуется. Городишь ты Трофим страсти какие-то, война что-ли? Не война слава богу но соль и спички запасать наверное придется, не повредит. Ты еще сухарей насуши, засмеялся Егор. Да уж Егорушка, забубнила на печи бабка, сны мне нехорошие снятся, то народ табунится незнамо зачем, то речки шумят, не к добру это. Перед войной помню. молодая была, тоже сны нехорошие снились. Ну вас, махнул рукой Егор, пойду лучше живете как кроты, всего нового боитесь.

Егор не появлялся дней десять, даже бабка спрашивала, где этот оглашенный. Да в городе он, на базар уехал, продает чего-то. Чего ему не мотаться, на пенсии, с хозяйством жена управляет. Жди, скоро заявится. И точно, на следующий день, Егор пришел в гости. Давно не был, заскрипела бабка, говорят в город ездил? Там был, на базаре торговал, мед продал, масло. Ну и как в городе, допытывалась бабка, чего говорят? Шумит народишко, что ни день новость, с водкой в городе вот начали бороться. Поговаривают, что скоро совсем торговать ей не будут. В каком магазине выкинут ее, очередь тут-же, давятся, орут. Я в одну очередь пристроился, еле жив остался. У нас давно в магазин водку не завозили, сказал Трофим. Пьяниц он не любил, пусть ее и совсем бы не было, лучше бы только жилось.

Ну ты загнул, сказал Егор, без водки мы никак. Я знаешь что в городе видел-свадьбу безалкогольную. Захожу в какое-то кафе или ресторан сигарет купить, там буфет был. Подходит ко мне женщина, извините говорит, мы не работаем сегодня, у нас свадьба. Да я говорю, сигарет только куплю и уйду. Беру сигареты и вижу, что на столах водки нет, лимонад вижу, соки разные. Музыка играет, все как положено, только у мужиков почему-то морды постные, не красные. Я сначала-то не понял, что свадьба безалкогольная, да тут мужик вышел, тоже за сигаретами, он мне все и рассказал. Дак вот сидят мужики хмурые, уговор ведь нельзя нарушать, крепко видно договорились, отгуляй, а потом хоть залейся. Корреспондент все для кино снимает, или для телевизора. Мне этот мужик и говорит, смотри то-ли девять дней отмечают, то-ли сорок, не свадьба а издевательство. Вроде пляшут и поют, а нутро у всех горит, разве можно гулять на трезвую голову.

А то что водка у нас пропала, это плохо, придется видно аппарат налаживать, давненько я им не пользовался. Давай-давай, сказал Трофим, нарвешься на неприятности, ага, так я им и показал его. Подожди, месяц другой без водки посидят, все гнать начнут. Нет, я понимаю, с пьянством надо бороться, но не в магазине-же. Пришел выпимши на работу-выложи голубчик половину получки, прогулял с похмелья-еще пол-получки отдай. А магазины закрывать, это дело бесполезное, как так, всегда пили, а тут на тебе, урезали пайку, бунт может начаться. Это все равно что, он покосился на печку, тебя от бабы отставили. Лежи рядом, любуйся и не трепыхайся. Но бабка за занавеской все слышала, чертыхнулась, сравнил пакостник черт те что. Ты тетя Груша век прожила, а вкуса не поняла ни в водке, не в этом деле. Говорят французы крепко хлещут, но по крепости они против нас не потянут. Налей им грамм сто пятьдесят неразбавленного, после второго глотка глаза вытаращат. А если им самогону бабки Ерофеихи поднести, они от одного запаха с копыт свалятся.

Болтун, проворчал Трофим, ты глянь сколько горя из-за нее, сколько людей поубивалось, поутопилось, замерзло, сколько семей развалилось, преступлений сколько. Все это так, но гибнут люди не из-за водки, а из-за неумения пить ее, учить надо как правильно пить. Ты Егор еще скажи что алкаш больной. Значит получается, пошел в магазин, купил себе пол-литра болезни, заразился, а потом кричит, не виноватый я, лечите меня, спасайте меня. Какая это такая болезнь, если хочешь, можешь заболеть, не хочешь-не заболеешь. Нету у наших правителей твердости в этом деле, шарахаются туда-сюда.

Ты Егор газет поменьше читай, оно лучше и понятней будет. Как это не читать, возмутился тот, сейчас такую правду-матку режут. У нас из-за этой правды кровь может политься. Сдурел ты брат, какая кровь. Да-да Егорушка, высунула голову бабка, в семнадцатом, девчонкой еще была, также кричали и галдели. А потом как начали стрелять друг в друга, не приведи господь! Тятеньку моего, царство ему небесное, свои же мужики и убили. А чего галдели, чего стрелялись, поди разберись. А колхозы вспомни, как тогда колобродили? А что колхозы, как бы там ни было, а жить стали лучше. А ты много богатства нажил в колхозе, до сих пор в дедовском доме живешь. Ты же знаешь, я никогда сильно не копил, и сейчас голодным не сижу. Тут Егор итак понятно, что многое надо переделать, но если за эту перестройку портфельщики взялись, толку не жди. А откуда тебе другие возьмутся, других нету. Егор глянул на часы, засиделся я у вас, почту должны, побегу.

Телевизор и радио приносили новости каждый день, Трофим не обращал на них внимания, а бабка частенько наострив уши всматривалась в экран, газет не читала по причине малой грамотности. Где этот оглашенный, тоже наверное где-то языком молотит. Да придет твой перестройщик, надоел уже своей болтовней.

Егор появился через день. Где тебя носит, маманя вон заждалась, давай открывай митинг. Ты Фома неверующий как всегда в лапти только веришь, а нас знаешь куда призывают? А призывают нас жить по лучшим западным образцам. Наш образ жизни никуда не годится. Хватит говорят, позимогорили, будем жить на уровне Европы. А чего, чем мы хуже их? Тогда Егор первым делом ломай баню, сортир, переноси все в избу. Во дворе копай яму под бассейн. Только вот с транспортом как будешь выкручиваться, у них в каждом доме по одной-две машины, а у тебя из транспорта только корова.

Опять ты за свое, тебе же говорят что все предпосылки у нас для этого есть, осталось их реализовать. Будешь жить ты тетя Груша в коттедже, с двумя автомобилями, как говорит Трофим, до ветру во двор бегать не будешь, а будешь отправлять надобность, как все культурные европейцы в теплом нужнике. И телефон у тебя будет, але-але, это Гондурас, ну и тому подобное.

А что же они семьдесят лет горлопанили, что у них народ бедствует, последний кусок хлеба доедает? Ошибались наверное, или разведка не так доносила. Оно же опасное дело информацию добывать об их жизни, посадить могут.

А вообще-то должна ты тетя Груша жить как американка, на отдельной ферме. Это как Егорша в ферме, со скотом что-ли с коровами? Да нет, должна ты жить не в селе, а отдельно, на своем земельном участке. А ежели мы в степе отдельно поселимся, да буран дунет, где мы будем воду брать, электричество? Ты тетя думать не умеешь, во-первых

к твоему дому в степи, будет отдельная дорога, свет, телефон подтянут. Дак у нас опосля буранов дорогу тракторами кировцами прочищают, неужели они к каждой ферме будут чистить? Ты же знаешь, у нас по главному грейдеру, после метели по неделе машины не ходят, а до ближнего села тридцать километров. А села что распустият? А если кто заболет, тут в селе медпункт есть, а на ферме как лечить? Детишек где учить? У тебя на ферме вертолет будет стоять, или на лыжах поедешь в больницу, подсказал Трофим, ты его побольше слушай. Может и прав ты Егор, что на ферме лучше жить, нету там директоров, экономистов, завскладов, парткомов, только мы не Европа, зимой в курточках не ходим без шапок. Там от фермы до фермы рукой подать, а мы здесь большим селом еле выживаем, с единственным медпунктом и школой. Нету на фермах лишних дармоедов и бездельников, там настоящие хозяева живут, у себя воровать не будешь. Нет, у нас здесь нужно крепко головой подумать, прежде чем ломать и перестраивать, сколько раз уж ломали.

Ничего, сказал Егор одевая шапку, народ сейчас быстро умнеет, разберется что к чему. Разберется, ответил Трофим глядя в окно, да опять видно не скоро.

Митя

Первыми на работу приходили повара, переговариваясь шли на кухню. Проходя мимо дверей склада, смеялись, смотрите, уже встал, наверное опять продукты перевешивает, банки считает. Слова эти относились к кладовщику Мите. Работал он не только кладовщиком, но и дворником и еще много кем. Вся материальная часть дома ребенка держалась на нем, большие и малые ремонтные работы. Когда он появился здесь, не знал почти никто. Знали, что привезли его в Казахстан из блокадного Ленинграда в сорок третьем или в сорок четвертом году. Привезли чуть живого, думали не выживет, но он выжил, окончил школу, да так и остался здесь. Жил тихо, в комнатке недалеко от кухни. Жениться так и не смог, сторонился разбитных поварих и нянечек. Многие считали его немного тронутым, хотя и жалели, особенно прачки, которым он долго не соглашался отдавать белье в стирку. Все звали его Митей, хотя он был старше многих раза в два, а то и более. Называя его так, никто не вкладывал в это слово какое-то унижение или неуважение. Все привыкли так его называть, не задумываясь, правильно это или нет.

Я попал в этот дом ребенка, находясь на практике, врач ушла в декрет и меня прислали на ее место. Быстро освоился в медицинском кабинете, ознакомился со списками детей, медицинскими картами. Работы хватало, дети болели часто, много ослабленных, с различными патологиями. Да и как им не быть, если маленькая Любашка, едва родившись, пролежала брошенная возле церкви часа-два или три. Хорошо, что проезжавшая милицейская патрульная машина остановилась из-за поломки и милиционеры увидели шевелящийся сверток.

Вообще, как я узнал, детей бросали самыми различными, часто бесчеловечными способами. Никаких записок часто не было, имен и даты рождения тоже. Детей приносили с автобусных остановок, из подвалов, и даже из мусорных контейнеров. Им придумывали имена, фамилии и отчества, определяли примерную дату рождения. Митя очень любил заниматься этим делом.

С Митей я скоро познакомился, когда пошел осматривать кухню и другие помещения. Проходя мимо дверей склада, услышал какой-то странный разговор. Мужской голос говорил о приварке, пайках, недовесе в мешках, о необходимости экономить масло. Стараясь не мешать я тихо вошел в склад. Мужчина за стеллажами считал коробки, взвешивал пакеты, что-то старательно записывал в блокнот. Меня он не видел и работу свою не прекращал. Я думал, что он проверяет документацию или готовится к ревизии, смущали только слова о подвозе продуктов, необходимости строгой экономии, о выживании детей.

Увидев меня, он засмутился, засуетился, спрятал блокнот в карман, пригласил присесть. В складе была чистота, можно сказать изумительная чистота, все находилось на своих местах, по углам стояли мышеловки. В другом помещении находились одеяла, одежда, игрушки и другие детские вещи. Он все мне показал, рассказал, попросил не волноваться за сохранность продуктов.

Поговорив с ним, я пошел на кухню. Ну что, поговорил с нашим чудаком, спросила повара Айша. Поговорил, мне он показался вполне нормальным, только что-то непонятно в его поведении. Это у него с детства, я тогда сама девчонкой была, когда его сюда привезли. Все думали не жилец, а он выжил. Я ему кумыс носила из дома, он силу дает, легкие лечит, а он кашлял сильно. Потихоньку окреп, учиться стал, но все равно что-то с ним произошло.

Работала у нас здесь одна женщина, ну и воровала помаленьку, то сахар, то колбасу, то еще что-нибудь. Вот Митя и поймал ее вечером во дворе. Вцепился в нее, кричит, плачет, они ведь умрут, если ты воровать будешь, дети первые умирают. А самого трясет всего, колотит, а потом упал на землю, биться начал. Мы все перепугались, кое-как завели его в комнату, насили успокоили. Долго он болел после этого, но оклемался. Он ведь блокаду хорошо помнит,

из-за нее у него такое здоровье. И никакой он не припадочный, с нервами у него что-то, а детей как любит! Водку не пьет, только когда прощаются, тогда один у себя в комнате, наверное выпивает. Кто прощается, не поняв, переспросил я Айшу? Она нахмурилась, отошла к плите, сам скоро увидишь как прощаются.

У директора я осторожно я осторожно спросил о здоровье Мити, все-таки с детьми работает, всякое может случиться. Успокойся, сказала она, здоров он, я с врачами советовалась. Блокаду он пережил, это и отразилось на его нервах, а психика у него нормальная. Усмехнувшись, она рассказала-вечером однажды, ночная няня шлепнула ребенка, спать не хотел, капризничал, он в коридор выбежал с криком. Митя мимо про-ходил, стал ругать ее. Она ко мне прибежала, Митя за ней, здесь все и произошло. Плакал он, кричал, фашисткой ее обозвал, потом упал. Сотрудники наши этого не знают, нянечка уволилась. Так что зря не волнуйся и с расспросами к нему не приставай, он этого не любит. Недавно его наши повара на смех подняли. В столовой, сам знаешь, куски остаются, так Митя их собирал и уносил куда-то. Давай над ним смеяться, ты говорят Митя к старости что-ли заготовливаешь, совсем рехнулся. Одна из них случайно увидела как он сушил хлеб и складывал его в бумажные мешки. Пришлось вмешаться, уgomонила их. Спросила его потом, зачем он это делает? Он честно признался, что в последнее время не может спокойно смотреть как хлеб валяется, сколько людей могло выжить из-за таких вот кусков. Память его мучает, детская, ничего я ему не сказала, что тут скажешь. Так что не обращай внимания на его чудачества, хороший он человек.

Через несколько дней меня вызвал директор и попросила подготовить документы для детей, переводимых в детдом. У нас дети по инструкции должны находиться до трех лет, на самом деле, дети жили намного дольше, на это были свои причины. Я подготовил список, отобрал карточки, заполнил их, сложил в отдельную папку. Отъезд был намечен на понедельник.

С утра как обычно позавтракали, но привычных игр и шума я не заметил. В коридорах и комнатах висело какое-то напряжение. Митя как-то странно суетился, помогал воспитателям собирать детей, украдкой совал в детские ладошки конфеты. Во двор въехал большой автобус, из него вылез парень лет двадцати. Ну что покатаемся пацаны, крикнул он стоявшим неподалеку детям. Те как-то нестройно ответили. Постепенно двор наполнялся уезжающими и провожающими. Уезжающие несли сумки, узелки, прижимали к себе любимые игрушки. Митя как-то странно двигался среди детей. Парень крикнул, ну что пацаны поехали! Толпа детей качнулась к автобусу, но тут-же отодвинулась обратно.

И тут стало происходить такое, чего я и представить себе не мог. Начался всеобщий рев и плач. Дети стояли большими и малыми группами, смотрели друг на друга и плакали, плакали. Неизвестно, какой ребенок начал плач, но поддержали его все. Митя бегал между этими группами, успокаивал, уговаривал, но плач не прекращался. Потом он пошел в мою сторону, махая руками и головой, так что слезы слетали с его щек. Как слепой, не видя меня, он сел на крыльцо, обхватив голову руками.

Парень шофер, раскрыв рот с ужасом смотрел на это зрелище. Потом стал подбегать к отдельным группам, пытался успокоить, звал в автобус. Мне вдруг почудилось, что эти дети похожи на маленьких старичков и старушек, слезами высказывающими свое неподдельное горе расставания. Шофер рыча, и кажется проклиная свое начальство, всучившее ему эту путевку, залез в автобус, дрожащими руками закурил, и отворачиваясь от меня стал копаться в щитке приборов. Затем взял темные очки, одел их и взглянул на двор.

На крыльцо вышли директор, повариха Айша, они стали успокаивать детей. Их лица были спокойны и дети стали успокаиваться. Ну и нервы у них сказал водитель, как они здесь работают, я бы отсюда через день сбежал. Дети потихоньку потянулись в автобус и минут через пять все расположились на сиденьях. Водитель не снимая очков, побелевшими губами спросил у директора можно ли ехать? Она кивнула головой и двери закрылись. Автобус мед-

ленно поехал со двора, я думал плач возобновится, но этого не произошло. Дети махали кепками, платочками, что-то кричали оставшимся.

Вечером мы с Митей пили, он пришел и позвал к себе. Вначале разговор не завязывался, но водка постепенно брала свое. Ты только посмотри говорил он, у казахов никогда детей не бросали. В войну голодно было, своих полон дом, а в детдом детей не отдавали. Всегда находились родственники или соседи забиравшие детей. Тяжело было, а растили сирот. А сейчас что творится, везут и везут, то из роддома, то из под забора. Он налил водку в рюмки, выпил, задумчиво посмотрел в окно.

Не утерпев, я спросил, почему он не уехал обратно в Ленинград? Почему же, сказал он, ездил я туда, думал останусь там. Родных у меня никого не осталось, отец погиб в самом начале войны. Мама и сестренка, он сглотнул с трудом произнося слова, в ту первую блокадную зиму умерли. Первой сестренка умерла, сильно есть просила, потом затихла. Мама погибла позже, пошла за водой и наверное попала под обстрел, соседка рассказала. Лежат где-то на Пискаревке. Дак вот, был я на родине, постоял возле нашего дома, в квартиру правда не стал заходить. Да и что там делать, там уже другие люди живут. Съездил на Пискаревку, посмотрел и понял, что не смогу уже оставаться там где родился. Вобщем вернулся я обратно, мне здесь хорошо.

А выжил я в блокаду случайно. Когда мама ушла за водой и не вернулась, силы постепенно оставили меня, я почти не двигался. Жильцов в нашем подъезде почти не осталось, да и кому я был нужен. Под нашей квартирой жили люди, видимо какие-то городские начальники или военные. Меня постоянно мучил запах, шедший из их квартиры. Они явно не голодали, так как из квартиры часто доносились веселые голоса. Один раз, не утерпев я стал спускаться на их этаж, увидел мусорное ведро у двери и в нем обнаружил корки хлеба, другие объедки. По сей день я не ел ничего вкуснее, чем те объедки из ведра.

Стал я наведываться к ведру каждый день, иногда по несколько раз. Поглощал все, что находил в ведре, иногда все это было осыпано табачным пеплом, а может еще чем похуже, мне это было неважно. Больше всего я боялся, что кто-нибудь еще обнаружит это ведро, иногда по ночам ходил проверять. Вобщем кормился я так долго, за водой ходил, брал бидон, литров на пять и потихоньку приносил. Чай конечно не пил, просто пил воду, карточек у меня не было, они у мамы остались, а куда идти за другими я не знал, да и боялся. Обстреливали и бомбили каждый день, скольких убитых людей я видел, до сих пор не могу забыть. Приносил воду, днем листал книги, спал или терял сознание не могу сказать. Одед на себя все теплые вещи какие нашел. Стали меня вши заедать, грызли проклятые день и ночь, но по сравнению с голодом это ничто.

Однажды у меня можно сказать праздник получился, сильно увлекся я с ведром, не услышал шаги за дверью, так как здесь же и ел, что находил в ведре. Дверь распахнулась, послышались пьяные голоса, смех, возле меня стоял качающийся мужчина в военной форме, кажется в мили-цейской. Увидев меня, пьяно засмеялся, стал звать людей из квартиры, но те почему-то не выходили. Стой здесь приказал, я тебе сейчас праздник устрою. Шатаясь ушел в квартиру и скоро вернулся держа в руках сало, хлеб, что-то еще. Я протянул руки чтобы взять, но он громко рассмеялся. Нет говорит, свинья должна жрать из корыта и швырнул все принесенное в ведро. Я конечно живехонько все схватил и к себе наверх. Несколько дней растягивал умопомрачительную еду, но ведро все равно проверял каждый день.

Не знаю сколько я бы еще протянул, да слава богу подобрали меня на улице, когда за водой пошел. Отощал к тому времени сильно, объедки появлялись в ведре все реже. Упал на улице, голова сильно закружилась, кто подобрал меня не знаю, очнулся в какой-то больнице.

Ушел я от него поздно, долго не мог уснуть, вспоминая наш разговор. На следующий день увидел, что Митя спокойно делал свои нехитрые дела, а у меня все валилось из рук.

Через несколько дней по какому-то вопросу вызвала директор. Только вошел, за дверью послышался громкий голос и причитания, в кабинет охая вошла Айша. Что делает-то, вы только послушайте, начала прямо с порога, я давно за ним примечать стала. Директор стала успокаивать ее, налила воды в стакан. Отдышавшись, стала говорить, вы ведь знаете, что он часто берет детей и ходит с ними в город? Митя что-ли, но мы это делать никогда ему не запрещали, все всегда хорошо.

Ой да вы послушайте, как дело было, иду я домой, прошла мимо церкви, смотрю в церковь Митя заходит, а с ним Санечка немой и Жанабек, ну которого в контейнере нашли. Знаю я Айша, что он в храм с детьми ходит, крестики им покупает, на многих детях крестики, что в этом плохого? А вы знаете, что он крестит там детей? Я к нему, ты зачем Жанабека сюда привел, он ведь мусульманин. Он сначала растерялся, а потом говорит, какое твое дело? Ругаться с ним не стала, храм все-таки, Жанабека забрала у него и сюда к вам. А он там с Санечкой остался, скоро должен придти. Посиди, сказала Айше директор, сейчас его дождемся, поговорим. Мне стало любопытно и я тоже решил подождать Митю.

Он пришел довольно скоро, увидев директора у дверей, покорно пошел за ней. Айша набросилась на него, но директор попросила ее помолчать. Сколько детей покрестил спросила у Мити? Он пытался отпираться, бурчал что-то непонятное, но под нажимом директора признался, даже с какой-то гордостью, что за последние годы все уехавшие дети были крещеными. Раньше не мог, горком бы вмешался или еще кто-нибудь.

Ты и мусульман крестил, ахнула Айша. Да успокойтесь вы, не крестил я их, хотел, да отец Николай не позволил. Нельзя сказал, хоть и сироты они. Своди их говорит в мечеть, а туда мне идти как-то неудобно.

Может ты Айша сама туда их отведешь, или мужа попроси, он человек хороший, не откажет. А Саньку в субботу покрестим, и не немой он вовсе, я у врачей был, его мать-алкашка испугала. Врачи смотрели его, сказали, что должен он говорить. В городе бабка есть, лечит детей от испуга, но надо, чтобы ребенок был крещеный. Да и разговаривает уже можно сказать Санечка, пока правда только со мной.

А на какие деньги ты их крестил, за обряд ведь платить надо? Отец Николай запретил брать деньги женщине, которая все записывает и крестики выдает, но я все равно свои деньги опускал в ящик для пожертвований. Нехорошо как-то, я ведь работаю, могу за все заплатить, для церкви нельзя быть жадным. Успокоенная Айша, вытирая платочком слезы ушла на кухню.

Иди Митя, вздохнув сказала директор, иди работай. Я тоже вышел от директора, на душе было светло и спокойно. Проходя мимо дверей склада, я слышал звон весов и невнятное бормотание.

Село Ивановка и его шутники

Село это находилось недалеко от нашего, старинное село, населялось еще по столыпинской реформе. Много различного люда пустило там корни, много примечательных личностей проживало в этом селе. Еще славилось это село наличием всевозможных шутников и оригиналов. Непонятно только откуда они там регулярно появлялись. Хорошо помню Ивана, по фамилии Гвоздь. Приехал он из Белоруссии во время освоения целины, здоровья и силы был необыкновенной. Говорил с белорусским акцентом, спокойный и невозмутимый был до смешного, в отличии от жены, редко замолкающей в течение суток.

Как-то послали его помогать обслуживать самолет, после посевной, он прилетал для химической обработки полей. Стоял самолет далеко в степи за селом, вот Ивана и послали туда грузчиком. Он легко снимал двухсотлитровые бочки с кузова машины и ставил их на землю. Летчики, разбитные ребята только ахали от такого зрелища.

Как-то раз, видимо для более тесного знакомства, пригласили его после работы выпить. Курить не куру, а румку храпну охотно согласился Иван, присаживаясь к расстеленному на траве одеялу. Одним словом завязалась у них дружба, летчики понятно скучали в степи, вот Иван и скрашивал однообразную жизнь. А где дружба, там и выпивать стали частенько. Жена Ивана даже к директору бегала жаловаться, пить говорит стал бугай проклятый, не было с ним раньше такого. Директор отмахнулся от нее, работает человек, никто не жалуется, чего тебе надо.

Подвел их случай, загуляли они видно крепко. Сколько румок храпнул Иван неизвестно, а летчики видно взяли сверх нормы, так как пришлось им сажать самолет в степи на вынужденную. Уж как они смотрели на приборы, но горючее у них кончилось и посадили они свой кукурузник на краю пшеничного поля. А тут как назло начальство из района, шум, крик, грозят под суд отдать. Иван молча запряг в телегу пару лошадей, погрузил бочки с горючим, отвез к самолету, там его за-качали в баки, взлетели. Ничаго, гудел Иван, загружая пустые бочки, вот если-бы сверху гробанулись тады бяда, а так ничаго.

Жил у них в деревне паренек один, как говорится без роду без племени. Вырос у какой-то тетки, ничего хорошего в жизни конечно не видел, но пакостник был на всю округу известный. Если где что нехорошее случалось, подозрение сразу на Гришу падало. Били его неоднократно за его дела, бывало долго били, а ему хоть бы что.

Один раз мне довелось увидеть сцену его наказания. Рано утром я приехал к ним в село и сразу услышал на возле домов женские крики и угрозы. Толпа женщин с подоюниками в руках гнала Гришу по улице, грозя, уничтожить, растоптать вражину этакого. Что утварил гад ползучий кричала толпа, оказывается Гриша всю ночь коров перевязывал. Летом обычно скот на ночь во двор не загоняют, он стоит на улице в летних загонах. Вот он и менял их местами, то есть переводил коров к другим хозяевам. Утром выходит хозяйка доить свою коровку, а в загоне чужая мычит, а то и вовсе нет никакой. Некоторым плохо делалось.

Он с детства такой прокудной, кричала грузная тетка Матрена, в лес за грибами пойдешь, грибную поляну найдет, большую нужду справит, и не один раз, листвой прикроет чтобы было похоже на вылезавший из земли груздь. Сколько людей похватало такие «грузди». У гад, она поднесла кулак к носу Гриши, прижатого к забору, сколько нервов мне попортил. Женщины еще долго гомонили, думая как наказать стервеца, а Гриша под шумок успешно улизнул. Расхопились уже со смехом, отходчиво женское сердце, вспоминали старые проказы Гриши. Хоть бы не зашиб кто его по пьянке, скучно без него гада будет.

Один раз ему хотели хулиганку припать, все село хохотало над тем случаем. Один только директор, завидя его, кулак ему показывает, да и то, отойдя подальше, прячет произвольную улыбку.

Идет как-то Гриша по улице, видит возле своего дома шофер директора, матерясь ремонтирует коробку передач уазика. Подошел поближе, спросил-может помочь? По рации орал директор чтобы водитель Саня Андреев быстрее заканчивал ремонт. Да шестерню менял, а тут начальство из области приезжает, по полям их надо везти, зерновые показывать. Я уже все сделал, если есть желание приверни крышку коробки, а я домой забегу, перекушу чего-нибудь, а потом мы вдвоем коробку на место поставим, один я не смогу.

Одним словом поставили они быстро коробку на место, Саня довольный подлетел к конторе. Как дело дальше было, рассказал молодой недавно из института, агроном Костя. Сели к Сане в уазик женщина блондинка с высокой прической, мужичонка в огромных очках и сам Костя. Погода летняя, жара за тридцать градусов, машина быстро на солнце раскалилась. Директор ехал впереди на Волге с какими-то начальниками.

Недалеко от села отъехали, и тут по по машине пошел неприятный запах. Костя грешным делом подумал, что кто-либо из пассажиров нечаянно произвел газовую атаку, но запах распространялся сильнее и сильнее. Саня вертел головой, не понимая откуда такая вонь.

Первой не выдержала дама, извините говорит, у вас в машине дурно пахнет, давайте остановимся. Да нельзя мне отставать от начальства, бормотал Саня давя на газ.

На первой остановке дама выпрыгнула из машины, закрывая нос платочком, у мужчины почему-то запотели очки. Саня ожесточенно рылся в машине, разыскивая источник запаха. Подошел директор, ему понадобилась рация, чтобы переговорить с бригадирами. Чего тут у тебя вонища как в сортире, зарычал на Саню. Да наехал на кучу вот и воняет. Поговорив, директор ушел к гостям. На следующей остановке дама скакнула из машины молодой козой, мужчина вяло улыбался, закуривая.

Костя, сдерживая хохот, отозвал Саню в сторону. Объяснить тебе откуда запах идет? Хоть убей не могу понять, чисто везде, вчера машину мыл. А под машину заглядывал? Да ты что, как оно там удержится, на дорогу должно упасть. Да и сегодня утром коробку снимал, все нормально было, Гриша еще помогал. Говоришь Гриша помогал, тогда понятно откуда запах, Саня непонимающе хлопал глазами, он тут при чем? Да наложил он тебе в коробку свеженького, пока ты отвлекался, сейчас масло разогрелось и пошел духан по кабине. Ну падла, приеду башку оторву паскуде зарычал Саня, как это я лопухнулся. А сейчас что делать, спросил Костю? А что сейчас сделаешь, придется дальше ехать, пусть нюхают.

Не знаю как они дальше возили гостей, но Саня до полночи искал Гришу, грозясь покалечить. После правда долго рассказывал в гараже мужикам, как вели себя пассажиры. Хохот стоял до потолка, некоторые на карачках выползали из курилки. Привирал конечно. Я понимаешь газу поддаю, от Волги не отстаю, а оно все сильнее воняет, женщина вот-вот в обморок свалится. Он же гад наверно чесноку с горохом нажрался. В зеркале вижу, у мужика что сзади сидел, очки туманом покрылись.

После войны привезли в это село несколько семей из западной Украины, так называемых бандеровцев. Никакие они конечно не бандеровцы были, попали под общую метелку выселения. Прижились они быстро, некоторые правда впоследствии вернулись в родные места. Те что остались, жили как все, но некоторые хранили в душе обиду на власть и правящую партию. Открыто говорить об этом конечно боялись, но при случае разговор о начальниках без матерков не обходился, а меж собой в выражениях совсем не стеснялись.

Жили по соседству два украинца, Михаил и Григорий, но друг-друга они звали Миня и Гриня. Приехали они еще детьми, женились на местных русских, украинок не нашлось. Когда меж собой ссорились, жены обзывали их бандеровцами, те в ответ москалями разэтакими. Соседи хохотали, глядя на эти смешные войны. Злобы конечно никакой не было, можно сказать отдавали дань истории. Дети их на эти комические конфликты никакого внимания не обращали, зятя и снохи быстро перенимали рецепты украинского сала и борща.

Решили как-то Гриня и Миня поехать на Украину, посмотреть на родину, не были там никогда, да и родственники имелись там. Скопили деньжонок, получили кучу заказов и просьб от родственников и соседей, дождались отпуска и поехали. Долго находились в гостях, дома уже волноваться начали. Первым явился Миня, какой-то сам не свой, напуганный, недовольный. Жена Грини сразу с вопросом-где муж? Миня долго отнекивался, врал, но под напором признался, в Москве он, в милиции сидит. Какая еще Москва, какая милиция, заголосила жена? За что сидит, допытывала Миню? Да на вождя матом заругался. Какого вождя, допытывались родственники?

Мешая русские и украинские слова, Миня долго рассказывал что случилось в Москве. На обратном пути, решили они на сутки остановиться в столице, походить по магазинам, поглядеть на Кремль. Родственники передали несколько бутылок местной горилки, которая очень понравилась путешественникам. Оставив вещи в камере хранения и прихватив с собой только одну как клялся Миня, отправились смотреть город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.